

Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации
при Министерстве юстиции России»

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

MONITORING OF LAW ENFORCEMENT

№3–2013

- Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации
- Роль государства в сокращении коррупции и развитии конкуренции
- Права интеллектуальной собственности как стимул развития
- Возрождение естественного права как источника юридической науки

Москва, 2013

УДК [004:342.951](470+571)
ББК 67.401.114(2Рос)
М 54

Мониторинг правоприменения. № 3–2013. — М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2013. — 76 с.
ISSN 2226-0692

Мониторинг правоприменения
Периодическое печатное издание
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (главный научный редактор)
Горбачева Е.В. (литературный редактор)
Колмыкова И.Г.
Макаренко Г.И. (главный редактор)
Матвиенко Ю.В., к.м.н.
Сергин М.Ю., д.т.н., профессор

Редакционный Совет:

Астанин В.В., д.ю.н., профессор (председатель Совета)
Захарцев С.И., д.ю.н.
Карихия А.А., к.ю.н., профессор
Леонтьев Б.Б. д.э.н., профессор
Макаренко Г.И. (главный редактор)
Сергин М.Ю., д.т.н., профессор
Павленко П.А.
Федичев А.В., к. т. н.
Чумаков А.В., к. ю. н.

Иностранные члены Совета:

Драго Кос, профессор (Словения)
Задорожний А.В., к.ю.н., профессор (Украина)
Павел Штурма (Pavel Šturma) д.ю.н., профессор (Чехия)

Журнал является междисциплинарным – охватывает области знания:

- Юриспруденция
- Государственное и муниципальное управление
- Международные отношения
- Политология
- Экономика (управленческий и юридический аспекты)
- Бизнес и правоприменение

.....
**Журнал является подписным. На 2014 год можно подписаться
по объединенному каталогу «Пресса России» или направив письмо в редакцию.**

Индекс подписки: 44740.

**Контакты: E-mail: monitorlaw@ya.ru
телефон: +7495-539-2314 (15-17 час)**

.....

СОДЕРЖАНИЕ

Кабанов Павел Александрович

Основные задачи антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: опыт сравнительно-правового исследования 4

Карицкая Александр Амиранович

Права интеллектуальной собственности и концепция общественного достояния 8

Леонтьев Борис Борисович

О возрождении естественного права как источника юридической науки 24

Роговая Анастасия Владимировна

О взаимодействии правоохранительных органов и гражданского общества в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма (экспертное мнение) 38

Рыжов Константин Борисович

Модернизация нотариата Российской Федерации и конкуренция в нотариальной деятельности 43

Савичев Алексей Аркадьевич

Проблемы взаимодействия органов городского самоуправления с органами полиции в системе управления города Москвы в результате реализации городской реформы 1870 г. 46

Сухаренко Александр Николаевич

Проблемы противодействия коррупции в системе государственных закупок 50

Ткачев Александр Иванович

Проблемные вопросы привлечения к административной ответственности за использование не по целевому назначению земельных участков в населенных пунктах 55

Чхутиашвили Лела Васильевна

Роль государства в сокращении коррупции и развитии конкуренции 60

Гладун Зиновий Степанович

Административная ответственность в правовом регулировании отношений в сфере охраны здоровья 64

Сведения об авторах 72

Information on the Authors. 73

Abstracts and Keywords 74

Кабанов Павел Александрович
доктор юридических наук, г. Казань
e-mail: kabanovp@mail.ru

Основные задачи антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: опыт сравнительно-правового исследования

В работе рассматриваются основные задачи регионального антикоррупционного мониторинга, закрепленные в подзаконных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, которые способствуют достижению заявленных целей – анализу и оценке состояния коррупции в регионе и эффективности реализации антикоррупционных мер.

Ключевые слова: *коррупция, мониторинг, мониторинг коррупции, антикоррупционный мониторинг, региональный мониторинг.*

Антикоррупционный мониторинг как измерительный инструмент состояния коррупции или её отдельных видов, негативных социальных последствий, причин вызывающих и трансформирующих это социальное явление, а также эффективности применяемых государством и обществом антикоррупционных мер получил распространение в антикоррупционной правоприменительной практике регионов Российской Федерации. О необходимости применения этого диагностического инструмента упоминается в 65 или 88,3% всех региональных антикоррупционных законов, а вопросам его организации и проведения в субъектах Российской Федерации посвящено 44 специальных подзаконных нормативных правовых акта. В большинстве антикоррупционных законов и подзаконных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации определены лишь основные или конечные цели регионального антикоррупционного мониторинга – анализ и оценка состояния коррупции и эффективности мер противодействия коррупции, но ничего не говорится о его промежуточных целях – задачах, которых насчитывается значительно больше.

Общеизвестно, что достижение определенной конечной цели не возможно без достижения промежуточных целей, указывающих на индивидуализированные, формально определенные

материальные изменения, достижение которых приводит к приближению конечного результата. Эти промежуточные цели, как правило, в региональных и муниципальных нормативных правовых актах, регулирующих вопросы организации и проведения антикоррупционного мониторинга, именуются его задачами.

В отличие от основных целей регионального и муниципального антикоррупционного мониторинга, сформированных в региональном антикоррупционном законодательстве, его задачи, как правило, формулируются в специальных подзаконных нормативных правовых актах. Из всей совокупности действующих региональных антикоррупционных подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих организацию и осуществление антикоррупционного мониторинга, лишь в 11 или в 25% сформулированы задачи стоящие перед ним.

Сравнительно-правовой анализ нормативных правовых актов, регулирующих организацию и проведение регионального антикоррупционного мониторинга, показал, что органами государственной власти субъектов Российской Федерации перед региональным антикоррупционным мониторингом ставятся разнообразные задачи, обусловленные достижением его основных (конечных) целей – оценка и анализ состояния коррупции и эффективности, принимаемых

органами государственной власти антикоррупционных мер. Мы обратимся лишь к описанию основных задач регионального антикоррупционного мониторинга по степени их популярности у разработчиков региональных нормативных правовых актов.

Большой популярностью у разработчиков региональных нормативных правовых актов по вопросам организации и проведения антикоррупционного мониторинга пользуется задача как информирование органов государственной власти, органов местного самоуправления и населения о состоянии коррупции и реализации антикоррупционных мер в регионе. Эта задача упоминается в специальных подзаконных нормативных правовых актах шести субъектов Российской Федерации: Республика Дагестан [3], Калининградская [5], Липецкая [8], Свердловская [2] и Нижегородская [11] области, Пермский край [12]. Поэтому для её реализации принимаются и специальные нормативные правовые акты по информированию заинтересованных лиц в реализации мер государственной политики противодействия коррупции.

Несколько менее популярна у региональных правотворческих органов, но не менее важна, в процессе осуществления антикоррупционного мониторинга, задача, сформулированная ими, как наблюдение за изменением состояния и уровня коррупции. Она нашла своё отражение в специальных подзаконных нормативных правовых актах Свердловской области [2] и Пермского края [12].

В числе пользующихся спросом правотворческих органов имеется и такая задача регионального антикоррупционного мониторинга как определение сфер деятельности с высокими коррупционными рисками. Именно эта задача сформулирована в подзаконных нормативных правовых актах Удмуртской Республики [7], Нижегородской [11], Свердловской [2], Калининградской [5] и Костромской [1] областей.

Пожалуй, самой важной и одновременно самой сложной является задача регионального антикоррупционного мониторинга, направленная на выявление причин и условий, порождающих коррупцию и способствующих её распространению в сфере социального управления. О её достижении говорится в специальных подзаконных нормативных правовых актах Республики Дагестан [3], Удмуртской Республики [7], Пермского края [12], Нижегородской [11], Костромской [1], Липецкой [8], Калининградской [5] и Свердловской [2] областей.

Самой большой популярностью в региональных подзаконных нормативных правовых актах по вопросам организации и осуществлению антикоррупционного мониторинга является такая задача как оценка эффективности антикоррупционной деятельности или противодействия коррупции в регионе. Именно эта задача отражена в специальных нормативных правовых актах Удмуртской Республики [7], Республики Дагестан [3], Пермского края [12], Владимирской [4], Калининградской [5], Костромской [1], Липецкой [8], Оренбургской [9], Свердловской [2] и Нижегородской [11] областей.

Безусловно, важнейшей задачей, стоящей перед региональным антикоррупционным мониторингом является разработка предложений по совершенствованию антикоррупционной деятельности (противодействию коррупции) в субъектах Российской Федерации, основанных на измерении состояния коррупции и результативности реализации мер противодействия коррупции в регионе. Она сформулирована в специальных подзаконных нормативных правовых актах Республики Карелия [6], Республики Дагестан [3], Владимирской [4], Нижегородской [11] и Оренбургской [9] областей. Именно для решения этой задачи осуществляются мониторинговые исследования состояния коррупции, и результативности антикоррупционных мер. Поскольку именно в процессе антикоррупционного мониторинга вскрываются наиболее «узкие места» и «бреши» в антикоррупционной деятельности региональных органов власти, то и задача по разработке мер направленных на устранение этих «брешей» становится первостепенной или основной.

К числу мало востребованных задач регионального антикоррупционного мониторинга попала важная прогностическая задача, сформулированная как прогнозирование возможного развития коррупционной обстановки в регионе. Она сформулирована лишь в подзаконных нормативных правовых актах трех субъектов Российской Федерации: Республики Дагестан [3], Нижегородской [11] и Костромской [1] областей. Хотя общеизвестно, что важнейшим результатом любого исследования, в том числе и мониторингового, является прогноз развития ситуации в будущем и нейтрализации (устранения, ликвидации, локализации) причин, способных воспроизводить негативные последствия.

В отдельных субъектах Российской Федерации перед региональным антикоррупционным мониторингом ставятся и ряд других менее попу-

лярных задач. Например, перед регулярным региональным антикоррупционным мониторингом органами исполнительной власти Липецкой области ставится задача – определение неотложных и долгосрочных мероприятий по предупреждению коррупции [8]. Разумеется, использование результатов регионального антикоррупционного мониторинга должно использоваться при осуществлении текущего, среднесрочного и долгосрочного планирования антикоррупционной деятельности в регионе, но эта задача, стоящая перед другим инструментом региональной антикоррупционной политики – антикоррупционным планированием и программированием. Поэтому постановка этой задачи перед региональным антикоррупционным мониторингом является избыточной. В числе таких же не популярных задач имеются и другие, предусмотренные специальными нормативными актами, регулирующими вопросы организации и проведения регионального антикоррупционного мониторинга. Например, в Пермском крае в числе задач регионального антикоррупционного мониторинга оказалось непрерывное наблюдение за осуществлением органами государственной власти и государственными органами деятельности в наиболее коррупционно опасных сферах [12]. При этом в данном субъекте Российской Федерации отсутствует утвержденный Перечень коррупционно опасных сфер края, как и методика поиска и определения таких сфер, поэтому специальное наблюдение или мониторинг коррупционно опасных сфер как разновидность регионального антикоррупционного мониторинга не осуществляется, а задача, стоящая перед ним не реализуется.

В зависимости от разновидности регионального антикоррупционного мониторинга и специфики регионального правотворчества перед региональным антикоррупционным мониторингом могут ставиться и другие задачи. Например, в Республике Карелия [6] и Ярославской области [10] в подзаконных нормативных правовых актах по вопросам организации и проведения антикоррупционного мониторинга сформулирована задача – повышение эффективности деятельности по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд. Эти задачи выполнимые и достижимые, а предлагаемые в региональных нормативных правовых актах средства и методы способствуют их достижению.

В региональной правотворческой деятельности встречаются и необычные задачи, связан-

ные с осуществлением регионального антикоррупционного мониторинга. Так, в подзаконном нормативном правовом акте Владимирской области перед региональным антикоррупционным мониторингом поставлена задача – консолидация усилий субъектов антикоррупционной политики в сфере противодействия коррупции [4]. Хотя консолидация усилий субъектов антикоррупционной политики в антикоррупционной деятельности является общей задачей, стоящей перед всем процессом противодействия коррупции в современном обществе.

Безусловно, все перечисленные выше задачи, сформулированные в региональных специальных подзаконных нормативных правовых актах, регулирующих организацию и осуществление регионального антикоррупционного мониторинга, с различной степенью полноты сочетаются с заявленными целями и способствуют их достижению. Однако они позволяют правоприменителю ориентироваться на ближайшие достижимые результаты антикоррупционной деятельности в регионе и в этом их прикладное значение.

Литература

1. О методических рекомендациях по проведению антикоррупционного мониторинга в Костромской области: Распоряжение администрации Костромской области от 9 декабря 2011 года №268-ра (в ред. от 15 декабря 2012 года №238-ра) // СП-нормативные документы. – 2011. – 16 декаб.
2. О мониторинге состояния и эффективности противодействия коррупции (антикоррупционном мониторинге) в Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 3 ноября 2010 года №971-УГ // Собрание законодательства Свердловской области. – 2011. – №11-3 (2010). – Ст. 1827.
3. О порядке осуществления антикоррупционного мониторинга: Постановление Правительства Республики Дагестан от 20 апреля 2012 года №119 // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 2012. – №8. – Ст.312.
4. О Порядке проведения антикоррупционного мониторинга во Владимирской области: Постановление Губернатора Владимирской области от 25 мая 2009 года №420 (в ред. от 11.03.2011 №196) // Владимирские ведомости. – 2009. – 3 июня.
5. О порядке проведения антикоррупционного мониторинга: Постановление Правительства Калининградской области от 23 мая 2012

- года №350 (в ред. от 23 апреля 2013 года №254) // Калининградская правда. – 2012. – 30 мая.
6. О Порядке проведения антикоррупционного мониторинга: Постановление Правительства Республики Карелия от 31 декабря 2009 года №321-П (в ред. от 19 октября 2011 года №318-П) // Собрание законодательства Республики Карелия. – 2009. – №12 (Часть II). – Ст.1491.
 7. О порядке проведения антикоррупционного мониторинга: Распоряжение Президента Удмуртской Республики от 15 октября 2012 года №299-РП
 8. О регулярном антикоррупционном мониторинге: Постановление администрации Липецкой области от 30 октября 2009 года №370 // Липецкая газета. – 2009. – 11 декаб.
 9. О создании совета по антикоррупционной политике при Губернаторе Оренбургской области: Указ Губернатора Оренбургской области от 09.03.2010 №36-ук (в ред. от 11 октября 2011 года №779-ук) // Оренбуржье Официальное. – 2010. – 23 марта.
 10. Об утверждении методики проведения антикоррупционного мониторинга цен на товары, услуги и при осуществлении закупок для нужд Ярославской области: Постановление Правительства Ярославской области от 26 августа 2011 года №624-п (в ред. от 27 сентября 2012 года №1019-п) // Документ-Регион. – 2011. – 6 сентяб.
 11. Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области: Постановление Правительства Нижегородской области от 23 сентября 2009 года №685 (в ред. от 12 июля 2012 года №429) // Нижегородские новости. – 2009. – 8 октяб.
 12. Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга в Пермском крае: Указ Губернатора Пермского края от 25 февраля 2011 года №14 // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов Губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. – 2011. – 7 марта.

Каричия Александр Амиранович

профессор, г.Москва

e-mail: arhz50@mail.ru

Права интеллектуальной собственности и концепция общественного достояния

Рассматриваются современные концепции прав интеллектуальной собственности в российском и зарубежном законодательстве, анализируются концептуальные подходы к правовому режиму охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, проблемы стимулирования развития современного законодательства в сфере интеллектуальной собственности с точки зрения теории общественного достояния. Реалии сегодняшнего дня требуют обновления концептуальных подходов к правовому режиму охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, и это в значительной степени должно найти свое отражение в национальном законодательстве и международно-правовых актах в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, концепции прав интеллектуальной собственности, общественное достояние, осуществление исключительных прав.

Современные потребности развивающегося мира, глобальные политические и социальные процессы оказывают определяющее воздействие на формирование тенденций развития правовых систем и отдельных правовых институтов. Сфера интеллектуальной собственности, защиты интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ услуг и юридических лиц не осталась в стороне от глобальных процессов.

С повышением экономического значения интеллектуальной собственности во второй половине XX века повысился интерес и к теоретическим разработкам в сфере прав интеллектуальной собственности. Основная тенденция правовой охраны интеллектуальной собственности направлена на усиление защиты прав интеллектуальной собственности с использованием проприетарной модели, максимального привлечения юридического инструментария, используемого для защиты имущественных прав на нематериальные объекты. Но эта тенденция сталкивается с необходимостью решения двух важных проблем, возникающих практически

во всех сферах охраны интеллектуальной собственности (в авторском и патентном праве, праве на товарные знаки, ноу-хау и др.), а именно: проблемы доступности новых, а также жизненно важных технологий и других инноваций для всех и прежде всего развивающихся стран (стран с переходной экономикой) и проблемы общественного достояния (public domain).

Исключительное право, являющееся важной составляющей комплекса интеллектуальных прав (ст.1226 ГК РФ) наряду с личными неимущественными правами и иными правами авторов и новаторов, представляет собой ограниченную правовую монополию на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Означает ли наличие такого монопольного права у его правообладателя (например, владельца патента или товарного знака, лицензиата по исключительной лицензии) обладание монополией в имущественном, экономическом обороте. Насколько существенно может быть воздействие правообладателя исключительного права на техническое и интеллектуальное развитие, общее состояние конкуренции в экономике? Ответы на

эти вопросы связаны не только с определением правового режима для каждого вида охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации и иных особенностей правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Определяющее значение могут иметь концептуальные подходы в отношении механизма правового регулирования в этой сфере.

Концептуальные основы доктрины интеллектуальной собственности в российском праве

В настоящее время в российском праве в части четвертой ГК РФ, как отмечает А.Л.Маковский, используется единая концепция – концепция исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации товаров, работ, услуг, предприятий и юридических лиц, отображающая общую природу правовых институтов в сфере интеллектуальной собственности и построенная на базе гражданско-правовой *«единой юридической конструкции»*, применительно к которой определены взаимоотношения участников гражданского, связанные с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации» [1].

Российская цивилистика в процессе развития отечественного гражданского законодательства различных исторических периодов последовательно отстаивала концептуальную линию на самостоятельный характер прав на результаты творческой, интеллектуальной деятельности человека (автора), принципиально отличающихся от права собственности и иных вещных прав, а также от обязательственных прав. В свое время

Е.А.Флейшиц писала в отношении проприетарной конструкцией прав на нематериальные объекты, что эта конструкция была не чем иным, как «метафорическим декорированием» новых прав, «престижем собственности» [2].

В противовес проприетарной конструкции концепция исключительных прав принципиально различает правовой режим материальных вещей и правовой режим нематериальных объектов (художественных и промышленных произведений). В отличие от права собственности, которое в принципе бессрочно и не подвержено каким-либо территориальным ограничениям, права авторов и изобретателей ограничены во времени и в пространстве; исключительные пра-

ва защищаются с помощью правовых способов, не относящихся к числу вещно-правовых способов защиты; право на творческий результат тесно связано с личностью его создателя. Само же использование в законодательстве термина «интеллектуальная собственность» является условным и своего рода данью исторической традиции [3].

Поддерживая эту точку зрения, Е.А. Суханов замечает, что само понятие «интеллектуальная собственность», не имея какого-либо общепризнанного четкого определения ни в законодательстве, ни в доктрине, является «дважды условным»: оно не только не имеет никакого отношения к собственности, но и касается отнюдь не только результатов интеллектуальной деятельности в прямом смысле, но средств индивидуализации, а также запретов недобросовестной конкуренции [4].

Сформировавшееся в течение столетий психологическое восприятие священного и неприкосновенного права собственности, по замечанию И.А.Зенина [5], способствовало стремлению творческой интеллигенции использовать по аналогии инструменты вещно-правовой защиты своих прав. В то же время, сторонники проприетарной концепции интеллектуальной собственности, «пытались подключить к сравнительно новому правовому институту гражданского права – «интеллектуальному праву» освещенные традицией схемы вещно-правовой защиты» [6].

Тем не менее ряд ученых-цивилистов [7] полагают, что понимание российским законодателем интеллектуальной собственности как самих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации «расходится с традиционной для мировой практики трактовкой интеллектуальной собственности» и противоречит ст. 44 Конституции РФ, положениям международных конвенций в сфере интеллектуальной собственности, включая п. VIII ст. 2 Конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) от 14 июля 1967 г., в которой указывается, что интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, изобретениям, товарным знакам и иным объектам.

Критикуя концепцию «интеллектуальных прав», В.П. Мозолин замечает, что «концепция об интеллектуальных правах, лежащая в основе «Общих положений» разд. VII ГК РФ, значительно отличается как от концепции права интеллектуальной собственности, выдвинутой

французскими философами-просветителями, так и от концепции исключительных прав, используемой в настоящее время в законодательстве многих стран мира, а также в международных конвенциях об интеллектуальной собственности. В целом она характеризуется своей противоречивостью, научно-практической несостоятельностью и принижением роли и значения личных неимущественных прав в системе российского законодательства, посвященного охране прав авторов (создателей) на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [8].

Концепции интеллектуальной собственности в зарубежном праве

В зарубежной правовой литературе [9] интеллектуальная собственность характеризуется как определенная форма выражения нематериальных образов, имеющих стоимостную оценку (нематериальные активы) и способных воплощаться и воспроизводиться в материальных носителях (объектах). Формы выражения таких нематериальных образов могут быть различны, например: словесные образы, символы, генные сегменты, настройки в компьютере, физические структуры, процессы, цвета и звуки. В то же время, традиционное понятие «интеллектуальная собственность», по мнению большинства исследователей, недостаточно точно отражает его смысл. Из этого определения вытекает, что существует некая вещь, которой можно владеть. Интеллектуальная собственность, признанию многих ученых, – лишь концептуальная конструкция для определения нематериальных продуктов – нематериальной собственности («intangible property»). Например, доктринальное толкование термина право на товарный знак означает не право на вещь, называемую «товарный знак», а скорее установление права на защиту условного обозначения от мошенничества. Или авторское право (copyright) может рассматриваться как правовой механизм, предоставляющий автору защиту его произведения и возможность продавать копии своего произведения по разным ценам. Понятие «интеллектуальная собственность» достаточно широкое, которое применимо к нематериальным ценностям. Но не всякая нематериальная ценность является интеллектуальной собственностью.

Для интеллектуальной собственности важен не столько нематериальный характер объек-

та, сколько то, что он создан творческим, интеллектуальным (нематериальным) трудом человека. Хотя не всегда это характерно, например, для товарного знака, поскольку его владелец не всегда является его создателем. Или предоставление авторско-правовой (*sui generis*) защиты базам данных, которые являются продуктом больше физического, чем интеллектуального труда. Использование «интеллектуального» компонента при создании объектов, обладающих определенной ценностью, заключается либо в методах создания продукта либо в способах использования этого продукта. Например, ценность воды как субстанции возрастает, если создан напиток для питья или иного употребления в пищу [10].

Интеллектуальная собственность доктринально включает в себя, в частности, авторские права, права на патенты, торговые марки, коммерческую тайну, так называемые «моральные права», права на топологии интегральных микросхем, права на промышленный дизайн, права на новые сорта растений и селекции, права на гласность, права на базу данных, а также прав от незаконного присвоения.

Для определения правовой природы интеллектуальной собственности современные зарубежные исследователи указывают несколько характерных особенностей. Например, Wendy J. Gordon выделяет пять основных характеристик: вид объекта – нематериальные образы как результаты творческой деятельности человека; природа ограниченных прав на нематериальный объект и соответствующие средства его правовой защиты (remedies); определение критериев предоставления имущественных или иных прав на нематериальный объект; конкретные преимущества и привилегии, пределы осуществления и защиты прав на нематериальный объект; способы перехода прав и возможность передачи этих прав и привилегий [11].

Интеллектуальная собственность («intellectual property») рассматриваются современными зарубежными учеными [12] как нематериальный актив в отличие от материальной собственности на вещь, так же как и «права интеллектуальной собственности» («intellectual property rights» или «IPRs») определяются как права на нематериальные объекты, полученные в результате творческого труда индивидуума (знания, идеи) в отличие от права собственности вещь (права материальные). В этом смысле часто употребляется понятие «права интеллектуальной собственности» («intellectual property

rights»), под которыми подразумеваются авторские и смежные права («copyright»), патентные права («patent rights»), права дизайнера («design rights»), права на товарные знаки («trademark rights»), ноу-хау («trade secrets rights») и др. Права собственности, связанное с физическим владением вещью, принципиально отличается от владения нематериальной сущностью, каким является результат творческой деятельности, нематериальный объект и проявляется в его неотчуждаемости («inalienability»). Тем не менее, западное законодательство и суды часто экстраполируют принципы правового регулирования права собственности на права интеллектуальной собственности, подразумевая, что передача этих прав и распоряжение ими осуществляется как правами частной собственности («private property rights»). В этом отношении достаточно распространена теория монопольного права («monopoly right»), подразумевающая, что правообладатель объекта прав интеллектуальной собственности посредством ограниченной монополии может получать соответствующий доход или преимущества для стимулирования авторов (создателей) к творческой деятельности в своих интересах и интересах других людей, общества от использования таких творческих результатов.

Современные теоретические воззрения зарубежных исследователей по вопросам интеллектуальной собственности формируются в двух основных направлениях: европейское (страны континентального права) и англо-американское (страны общего права). Для европейских доктрин интеллектуальной собственности характерен исторически сложившийся подход на основе теории естественных прав человека. В странах англо-американской системы общего права (common law) преобладает подход с позиции теории утилитаризма, в основе которого лежат концепция утилитаризма, разработанная Дж. Бентамом (Jeremy Bentham), Д. Миллом (John S. Mill), а также А. Пигу (A. Pigou). С точки зрения классификации можно выделить следующие основные теоретические направления: утилитаризм, трудовая теория, теория личности и теория социального планирования [13].

Большую популярность приобрела теория утилитаризма, построенная на максимальном укреплении прав собственности в интересах всего общества. Применительно к правам интеллектуальной собственности такой теоретический подход означает выбор оптимального правового режима для охраны и защиты исключительных

прав на авторские произведения, изобретения и другие результаты творческой деятельности. Оптимальность правового режима, устанавливаемого нормами права, должно с одной стороны стимулировать творческую активность авторов и изобретателей, а с другой удовлетворять общественную потребность в общедоступности накопленных творчески активной частью человеческого сообщества знаний и умений для общего научно-технического развития, образования, накопления знаний.

Соблюдение баланса, как отмечает В.Фишер (William Fisher), подразумевает установление в законе соответствующего объема и содержания исключительных прав на творческие результаты, обеспечивающих стимулы к инновациям и устанавливающих ограничения для их широкого и неограниченного распространения и использования [14].

Вся система права интеллектуальной собственности, по мнению В. Ландейса (William Landes) и Р.Познера (Richard Posner) [15], нацелена на содействие экономической эффективности, минимизации затрат и обеспечения творцов-новаторов стимулами для создания новых, перспективных разработок и технических результатов. Предоставление авторам и изобретателям на ограниченный законом период времени исключительного права на созданные ими произведения или изобретения, ограничивающего доступа к таким результатам обеспечивает экономическую эффективность и стимулирование инновационного процесса, создание и применение авторских произведений, новых технических решений. При этом потребительский спрос на новые разработки и новую продукцию с их применением определит цену и потребность в инновациях и одновременно позволит компенсировать авторам и изобретателям затраты на создание таких инноваций.

Аналогичные аргументы выдвигаются и в отношении прав на товарные знаки (и знаки обслуживания). Использование известного и заслужившего доверие потребителя товарного знака (бренда), по общему мнению, используемого для маркировки продукции, также стимулирует его правообладателя к постоянному выпуску товаров (оказание услуг) высокого качества как инструмента в конкурентной борьбе на рынке. Товарный знак используется не только как инструмент в борьбе за предпочтения потребителя, но и выполняет информационную функцию. Потребитель делает свой выбор среди множества товаров и услуг, ориентируясь на знакомые товарные знаки,

информирующие его о конкретных качественных характеристиках того или иного товара (услуги). В то же время, товарный знак может нанести вред общественным интересам при его первичном выводе на рынок для нарушения конкуренции с известными товарными знаками. В этом смысле товарный знак должен отвечать и на практике, как правило, отвечает общественной пользе и интересам потребителя [16].

Теория труда исходит из теории Дж.Лока (Johne Locke), основанной на естественном праве собственности автора на созданные его трудом объекты (включая результаты творческого интеллектуального труда), источником которых служат ресурсы общих знаний (in common) и еще неоткрытых закономерностей, которые в равной степени доступны каждому члену общества. Гарантируя право собственности, государство обязано признавать такие достижения интеллектуального труда и обеспечивать их защиту.

Впоследствии эта концепция получила развитие в теории адекватной справедливости («an adequate theory of justice»), основанной на равном доступе каждого к имеющимся общим источникам интеллектуального труда, позволяющем создать одно и то же произведение (иной результат труда) различными авторами. Это применимо в авторском праве, но не используется в патентном праве, т.к. признание и защита прав на результат творческого труда (изобретение) возможно только для изобретателя, который первым обратился за получением патента, даже если изобретение создано независимо несколькими изобретателями.

Концепция права интеллектуальной собственности, основанная на теории личности, зиждется на философских воззрениях Гегеля и Канта, убежденных в том, что право частной собственности имеет решающее значение для удовлетворения фундаментальных потребностей человека. С этой точки зрения существование прав интеллектуальной собственности может быть оправдано на том основании, что эти права защищают авторов от присвоения или изменения их творческих произведений, в которых авторы и художники выражают свои личностные ощущения. И вместе с тем права интеллектуальной собственности создают социальные и экономические условия, способствующие творческой интеллектуальной деятельности, которая, в свою очередь, является важной для человеческого процветания [17].

Основываясь на гегелевской философии права, Джастин Хьюз (Justin Hughes) [18], на-

пример, выводит следующие основные принципы надлежащего построения системы интеллектуальной собственности. Во-первых, предпочтение в правовой защите плодов творческого интеллектуального труда человека должно отдаваться более выразительным произведениям (роман, музыка), чем менее выразительным, таким как генетические исследования. Во-вторых, каждый человек как личность имеет общественный «имидж» (включая физические особенности, манеры, личную историю) и поэтому заслуживает щедрой правовой защиты, хотя сам по себе он не является обычно результатом труда. В-третьих, авторам и изобретателям должно быть позволено заработать уважение, честь, восхищение и, наконец, деньги за счет продажи или копирования своих работ. Но автор может отказаться от своего права запрещать другим лицам изменять или присваивать свои произведения.

Последняя из четырех концепций формируется на основе предположения, что права собственности в целом, и права интеллектуальной собственности, в частности, могут и должны быть сформированы таким образом, чтобы способствовать достижению справедливого и привлекательного общества с его высокой культурой. Сторонники этой концепции [19] обычно черпают свои воззрения из эклектической совокупности политических и правовых воззрений большого числа теорий, в том числе Т.Джефферсона, раннего К.Маркса, правовых реалистов, сторонников (древних и современных) классической республики. Этот подход схож с концепцией утилитаризма в его телеологической ориентации, но его отличает более многообразное понимание общества, в отличие от понятия «социальных благ» (social welfare), которым оперируют приверженцы теории утилитаризма.

В настоящее время существует множество научных точек зрения на теоретическую основу прав интеллектуальной собственности, учитывая новые реалии современного мира и разнообразие новых интеллектуальных продуктов творческого труда человека в самых различных областях, особенно в связи с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, интернета, геномной инженерии и биотехнологий фармацевтики. Современные реальности ставят и новые актуальные проблемы, связанные с эффективностью защиты прав интеллектуальной собственности и формирования правового режима охраны различных инноваций

(авторских произведений, патентоспособных объектов, программ для ЭВМ и др.) при условии соблюдения рационального баланса интересов правообладателей и общества, доступности результатов новых разработок и технических решений в интересах научно-технического, социального и общекультурного развития общества.

В частности, Neil W. Netanel [20] критикует устаревший, по его мнению, подход к авторскому праву (copyright) как праву частной собственности, который трактует несанкционированное использование авторских произведений как акт «пиратства» и воровства. Целью должно стать сокращение объема правомочий в авторском праве для установления более эффективного и сбалансированного режима авторских прав. В частности, предлагается сократить срок действия исключительного авторского права (copyright) для увеличения возможностей использования авторских произведений, перешедших в общественное достояние («public domain»), в ракурсе их более широкого творческого использования любым лицом. Контроль авторов за производными произведениями также должен быть сокращен, обеспечив больше доступа к авторским произведениям применительно к их использованию в тех же целях. И наконец, система обязательной (принудительной) выдачи лицензий на использование авторских произведений должна применяться значительно чаще для соблюдения баланса интересов авторов и потребителей результатов авторского творчества.

Интересно отметить, что Верховный Суд США в своей практике [21], исходя из трактовки авторских произведений или патентов как собственности, а исключительного права на них как имущественного права, тем не менее неоднократно констатировал, что авторские права, являясь частной собственностью или «монопольными привилегиями», предназначенными для мотивации творческой деятельности и получения вознаграждения за творческий труд, ограничены по своей природе и в конечном итоге должны служить общественному благу. Как отмечает Н. Нетаниел [22], в судебной практике США, по-прежнему, широко применяется идентичная (за некоторыми исключениями) правовая трактовка интеллектуальной собственности и вещного права собственности, основанная на федеральных законах. Более того, исходя из того, что имущественное авторское право (copyright) создает экономическую ценность (стоимость) в оригинальном выражении, формирующую су-

щественную часть экономики, существует тенденция к оценке исключительного имущественного авторского права как полноценного вещного права, права собственности.

В современном мире, охваченном глобализацией, контрагенты стремятся получить максимальную защиту своих прав, включая права интеллектуальной собственности. По мнению зарубежных авторов [23], при установлении авторско-правового или патентного режима охраны и защиты творческих результатов и инноваций последовательно должны учитываться не только сбалансированность соотношения правовой монополии в форме исключительного права и общественных интересов, но и стимулирование творческой активности первоначальных новаторов (авторов и изобретателей) и их последователей в развитии новых идей и инноваций. Такого баланса не всегда можно достичь, определив раз и навсегда рамки правового регулирования и установив тот или иной правовой режим охраны результатов интеллектуальной деятельности в нормах закона. В этом смысле существенна роль суда в адекватной и сбалансированной охране прав интеллектуальной собственности в системе общего права (common law), принципиальную основу которого составляют судебные решения, использующие в отсутствии применимой нормы закона предыдущие судебные акты по вопросам права собственности, деликта или договорного права.

Для либералов, в лице Richard A. Epstein [24], права интеллектуальной собственности проникнуты духом классических либеральных ценностей. Незыблемость института частной собственности, по его мнению, должна проявляться как в отношении прав на вещи и иное имущество, так и в отношении интеллектуальных прав. Недопустима практика ограничения прав интеллектуальной собственности, например, в части установления судебных запретов, ограничивающих права интеллектуальной собственности в авторском и патентном праве при выдаче принудительных лицензий на использование исключительного права, что равносильно конфискации имущества. Независимо от того, что авторские и патентные права ограничены законом своим действием во времени, возможно, тем не менее, равнозначное применение правовой конструкции права собственности как к материальным, так и к нематериальным объектам. Только таким образом можно обеспечить не только интересы правообладателей интеллектуальной собственности, но стабильность частной

собственности. Негативные же эффекты от применения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности могли бы быть компенсированы снижением цены использования авторских или патентных прав при заключении лицензионных договоров.

Интересна позиция Й.Шумпетера (Joseph Alois Schumpeter) [25] в отношении интеллектуальной собственности. Основываясь на неоклассической теории, он анализирует статическую модель экономики, где все параметры производства, обмена, распределения и потребления остаются неизменными, называет это хозяйственным (экономическим) оборотом. В статической модели хозяйственного оборота все доходы равны затратам, а ценность продукта производства равна ценности использованных факторов производства, подчиняясь закону альтернативных издержек. Он выделял факторы, которые изменяют равновесие рыночной системы и придают динамику в развитии экономики. Такими факторами производства являются, с его точки зрения, нововведения или, используя современную терминологию, – инновации. Инновации проявляются в различных формах, а именно: создание нового продукта, использование новой технологии производства; использование новой организации производства; открытие новых рынков сбыта и источников сырья, – и формируются в процессе предпринимательской деятельности. Основным звеном в инновационном развитии является предприниматель, который, преодолевая технологические и финансовые трудности, разноплановые риски, осваивает новые пути получения прибыли и новые комбинации факторов производства. Ключевым качеством предпринимателя является стремление к инновациям. Предпринимательская деятельность служит основой экономического развития, которое не может существовать без постоянных изменений в технике и технологии производства, освоения новых рынков и реорганизации рыночных структур.

Постоянные инновации в процессе экономической деятельности лежат в основе динамической модели экономического развития Шумпетера. Он ввел понятия «эффективной конкуренции» и «эффективной монополии». Связь предпринимательства и инноваций создают конкуренцию нового типа в отличие от ценовой конкуренции. Инновации как стержень конкуренции открывают возможность изменять не только технологию и продукцию, но и оказывают влияние на структуру спроса, условия

формирования издержек и цен. Конкуренцию на базе инноваций, стимулирующих получение прибыли за счет преимуществ в издержках производства и качестве самого продукта, Шумпетер назвал «эффективной конкуренцией». Он концептуально обосновал наличие инновационной монополии, отличающейся монополией, которая основывается на особых правах и привилегиях собственности на ограниченные ресурсы или дефицитные блага. Монополия, которая формируется в условиях активной конкуренции на базе инноваций и представляет собой следствие нововведений, была названа Шумпетером эффективной монополией. Монопольная прибыль, получаемая новатором на основе исключительных прав, является стимулом и вознаграждением за инновации. И в то же время монопольная прибыль – явление преходящее для той или иной компании, так как исчезает под действием того же механизма конкуренции, которому обязана своим существованием монополия, то есть вследствие конкретных нововведений.

Развитие теоретических взглядов на права интеллектуальной собственности происходило, как отмечают ряд исследователей [26], в 80-х годах XX века на основе неоклассических экономических взглядов Чикагской школы экономики и современной теории, обосновывающей проприетарный подход к авторскому праву, сочетающийся с полным контролем автора над своим произведением по аналогии с правом собственности. Отмечая нематериальный характер объектов, на которые предоставляются права интеллектуальной собственности (авторские права, патентные права, права на товарные знаки, права на базы данных и компьютерные программы, права на топологии интегральных микросхем, права на ноу-хау и др.), созданных интеллектуальным трудом конкретной личности, сторонники проприетарной теории рассматривают права интеллектуальной собственности как правовую конструкцию, закрепляющую право собственности на конкретные результаты творческой деятельности в форме авторских произведений, изобретений, ноу-хау и т.д. Предоставляемые законом права на такие результаты обеспечивают защиту имущественного авторского права (copyright) или сходную с ним (sui generis) защиту.

В настоящее время сохраняется доминирование проприетарного подхода к определению правовой природы имущественных исключительных прав для защиты нематериальных про-

дуктов – результатов интеллектуальной деятельности. При таком подходе овеществленные результаты интеллектуальной деятельности (авторские произведения, изобретения и т.д.) приобретают товарную стоимость и становятся товаром. Это логически склоняет к выводу о трактовке прав интеллектуальной собственности (исключительных имущественных прав) как разновидности прав собственности, вещных прав. Однако собственность (как присвоение вещи) автоматически не появляется при создании продукта, имеющего товарную стоимость [27]. Частное присвоение стоимости в виде интеллектуального продукта может угрожать созданию социально значимой стоимости [28].

Права интеллектуальной собственности как стимул развития

С точки зрения теории стимулов, предоставление исключительных прав на авторские произведения, изобретения, товарные знаки и другие объекты интеллектуальной собственности (правовая монополия на использование результатов интеллектуальной деятельности) стимулирует инновационное развитие, способствует креативной активности авторов, изобретателей, создателей новых интеллектуальных продуктов [29]. В отсутствие законодательного закрепления исключительного права на охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности, которые обеспечивают правообладателям получение дохода от применения инноваций и компенсацию инвестированных в новые исследования и разработки финансовых средств, материальных и трудовых ресурсов, приведет к сокращению предложения новой высокотехнологичной продукции, минимизирует стимулы к созданию новаторских решений и передовых результатов интеллектуальной деятельности.

Существует несколько теорий на базе постулата применения системы патентования для стимулирования инноваций и изобретательства, обосновывающих необходимость предоставления патентовладельцу исключительного права использования патента. Достаточно подробно об этом пишет В.Гордон (Wendy J. Gordon) [30]. Теория стимулирования изобретательской деятельности (the incentive to invent theory) исходит из того, что без выдачи патента и предоставления на его основе защиты патентных прав изобретатель не имеет заинтересованности в существенных инвестициях в изобретательскую

деятельность. Но изобретательская деятельность может потребовать больших материальных и трудовых вложений в процессе ее осуществления и регистрации заявки на патент при невысоких доходах от реализации патента. При этом могут рассматриваться иные стимулирующие такую деятельность инструменты: финансовые субсидии, налоговые льготы, которые могут быть более эффективными чем система патентования изобретений. Другая теория, теория договора (disclose theory) или «теория сделки», постулирует, что обладатель патента в обмен на раскрытие сути своего изобретения при патентовании, получает от государства исключительное право на его эксплуатацию. При этом раскрытие сути изобретения во многих правовых патентных системах государств происходит в сроки от 1 года до 3 лет с момента подачи заявки на патент. Эта теория предполагает, что без патентной защиты новатор может получить доходы, скрыв свое новое изобретение, которое необходимо для практического применения. Хотя далеко не всегда это применимо, скажем для патентования объектов дизайна. Кроме того, раскрытие сути патентованного объекта не всегда означает действительное раскрытие. Для изобретателя стимулом к обнародованию своего инновационного решения может являться уже общественное признание его изобретения или иные моральные стимулы, не в меньшей степени, чем денежное вознаграждение. Теория обходных разработок (design around theory) предполагает, что патент стимулирует создание более прогрессивных инноваций, которые могут быть получены не нарушая существующий патент, в обход запатентованных изобретений и иных технических решений. В этом случае стимулируется создание нового более производительного, или дешевого, или обладающего существенно новыми качествами или снижающего побочные негативные эффекты поколения продукта или способа, объекта дизайна и др. Теория перспективы (prospect theory) сосредотачивается на стимулировании не столько самого процесса инноваций или инвестированию в инновации, сколько на рациональном и широком использовании результата инновации, его коммерциализации, который может организовать владелец патента. Выдача патента стимулирует венчурный капитал, рекламодателей, разработчиков и продавцов новой продукции к активному применению запатентованного решения, кроме того, патентование избавит патентовладельца от опасений нелегального копирования и использования его инно-

зации и вынудит получать патент для продажи или предоставления лицензии.

Однако, необходимо учесть, что большие финансовые, интеллектуальные и материальные затраты в процессе исследований, разработок и патентовании инноваций, приводят к поиску других, альтернативных патенту (исключительному праву) способам стимулирования [31]. К ним можно отнести финансовые субсидии, гранты, налоговые льготы, репутационные поощрения и другие факторы, которые могут быть значительно менее затратными (по срокам и размерам финансовых вложений) нежели громоздкий и дорогой механизм патентной системы. В США, к примеру, средний срок патентования изобретения составляет 3 года с даты подачи заявки до выдачи патента. В то же время, увеличение числа патентуемых изобретений, повышение накала конкурентной борьбы приводит в большинстве случаев не к созданию кардинально новых технологий или устройств, а к росту числа технических улучшений или модификаций уже существующих и запатентованных технических решений. В этом может скрываться стремление правообладателей патентов к получению максимального дохода, поскольку инновационный продукт нового поколения может быть дешевле, проще и технологичнее. В этом случае патентная монополия уже не стимулирует научно-техническое развитие, а служит тормозом. Эта тенденция проявляется, скажем, в виде так называемых «патентных чащ», блокирующих техническое развитие в том или ином сегменте производства или рынка.

Вместе с тем, существует и противоположная точка зрения. Либеральная теория Ф. Хайека (Friedrich Hayek) [32], Нобелевского лауреата по экономике (1974г.), исходит из того, что сам свободный рынок, общая конкурентная среда создает стимулы к инновационному развитию, а предоставление законом даже на ограниченное время исключительных прав отдельным личностям или группам, включая исключительные права на патенты, авторские произведения, или иные результаты интеллектуальной деятельности, установление привилегированного положения, какой-либо иной монополии могут служить серьезным препятствием в развитии знаний и поиске новых решений.

Один из лидеров Чикагской школы экономики Фрэнк Найт (Frank Knight) видел поощрение предпринимательства в качестве главного принципа предпринимательской экономики. По

мнению Ф.Найта [33], изобретения и технические усовершенствования иных видов, являются они патентоспособными или нет, на самом деле являются частной собственностью в соответствии с законами современных промышленно развитых стран (по крайней мере для целей экономического анализа), причем до тех пор, пока создатель инновации в состоянии получать доход от этой инновации сверх того вознаграждения, которые получают производители от введения инновации в экономический оборот.

Все три автора (Шумпетер, Хайек, Найт) видели в динамичном процессе принятия рискованных решений, предпринимательстве и инновациях главную силу свободного рынка и понимали, что это явление выходит за рамки технологических достижений, которые могли бы быть получены в тиши кабинетов. Инновация рассматривается как широкая, охватывающая все формы риска и предпринимательства деятельность, от новых технологий для организации нового бизнеса до детальных повседневных бизнес-решений.

В противоположность теории частно-правовой монополии на объекты интеллектуальной собственности взгляды некоторых современных исследователей [34], основанные на концепции всеобщего достояния («commons»), исходят из того, что культурные и природные ресурсы должны быть доступны всем членам общества, включая такие природные ресурсы как воздух, вода, леса, земля, которые принадлежат всем и не могут находиться в частной собственности. К числу всеобщего достояния относятся, в том числе, интеллектуальные достижения («intellectual commons»), т.е. результаты творческой деятельности в различных сферах интеллектуального труда человека: литература, живопись, музыка, телевидение и радио, информация и программные продукты, культурное наследие.

Определяя права интеллектуальной собственности как частные (исключительные) права, обладающие определенной ценностью и вкладом в общественное развитие (значением для общества), нельзя, тем не менее, отвергать их значения как всеобщего достояния.

В этом отношении примечательна концепция «глобальных общественных благ» («global public goods»), предполагающая свободный доступ каждого к результатам творческого труда и их принадлежность всему международному сообществу как непереносимое условие развития всего человечества.

По мнению ряда зарубежных исследователей [35], право интеллектуальной собственности представляет собой совокупность прав, защищаемых нормами писанного права, законодательными актами (statute), норм деликтного права (tort law) или норм общего права (equity law). Право интеллектуальной собственности формируется из трех частей. Первая – патенты на изобретения и конфиденциальная информация (trade secrets), защищаемая нормами закона, не допускающими их использование третьими лицами. Вторая – авторские права (copyright), дизайн и моральные права, защищающие формы выражения авторских идей та часть которых относится больше к публичному интересу. И третья включает нормы о защите деловой репутации или имиджа с помощью норм о деликте и регистрации товарного знака. Коммерческая эксплуатация творческой идеи как продукта, процесса, услуги или публичное представление авторского произведения влечет определенной компенсации, репутации и возможной прибыли. Если же успех идеи сомнителен – это повлечет финансовые риски. Есть риск от незаконного использования (имитации, что подрывает коммерческую или творческую репутацию автора-создателя, если образец незаконно использует товарный знак или качественные характеристики произведения, содержащий объект IP), который защищается нормами права. Общепринятой правовой концепцией являются исключительные имущественные права (exclusive proprietary rights).

Как отмечается сторонниками этой теории, интеллектуальная собственность (intellectual property) в то же время выступает как разновидность собственности: она может переходить в порядке правопреемства, использоваться по лицензионным договорам, передаваться в залог и наследоваться. Обладатели прав интеллектуальной собственности (intellectual property rights owners) имеют естественное право (natural right) на созданный ими творческий результат (creation) и право на получение вознаграждения. Общество также имеет право на доступ и использование интеллектуальной собственности, особенно если это является передовым с точки зрения образования, технологических достижений, медицинских новаций как всеобщее достояние (public domain). Потребители имеют право на поддержание справедливой конкуренции. Невозможно дать общее понятие прав интеллектуальной собственности, поскольку право интеллектуальной собственности представляет собой целый пакет разнообразных прав (bundle

of rights), направленных на соблюдение баланса конкурирующих интересов применительно к различным объектам IP. В большинстве своем право интеллектуальной собственности – это писанные нормы права (законы). Патент – это монополия предоставляемая государственным патентным ведомством на патентоспособное изобретение на определенный срок, патент также предоставляет защиту правообладателю от независимого изобретателя, который создал, обладает или использует такое же изобретение. Моральные права (право на авторство, право на имя, на неприкосновенность произведения, неправомерного использования) защищают автора от ненадлежащего использования авторского произведения другими лицами. Право неприкосновенности частной жизни (right to privacy) при создании, например, фотографии или фильма для частного и личного пользования. Моральные права обеспечиваются при защите авторского права (copyright) и связаны с ним. Поскольку защита прав интеллектуальной собственности осуществляется на основе норм законодательных актов, общее право выработало две формы защиты этих прав: деликтная защита от нарушения прав (tort of passing off) и защита по праву справедливости при нарушении конфиденциальности (например, ноу-хау) [36].

Поскольку одной из целей глобальной торговли является свободное перемещение товаров, компаний, услуг и капитала, дальнейшая экономическая интеграция стран, так же как и поддержание справедливой конкуренции, требует баланса исключительных прав и монопольных прав интеллектуальной собственности с принципами свободной торговли. Права интеллектуальной собственности, законодательно установленные конкретным национальным законодательством, имеют территориальный характер по своей природе. Интеллектуальные монопольные права, фактически обеспечивая защиту интересов правообладателей от конкуренции посредством несанкционированного копирования, а также исключительные права, запрещающие использование продукта или процесса всем третьим лицам, могут служить препятствием открытой конкуренции и свободной торговле. Более того, обладая правовой защитой в одной стране, права интеллектуальной собственности могут нарушать аналогичные права на объекты интеллектуальной собственности при перемещении в другую страну, трансграничной торговле товарами или услугами. Ограничение исключительных прав, основанное на принципе ис-

черпания прав, позволяет решить эту проблему и применяется во всех национальных правовых системах.

Государственное стимулирование творческой деятельности и инноваций

Государственное стимулирование творческой деятельности и инноваций имеет особое значение, также как и государственная политика в сфере прав интеллектуальной собственности.

Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности, предусмотренное в ст. 1246 ГК РФ, предполагает издание нормативных правовых актов в целях регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, связанных с объектами авторских и смежных прав, изобретениями, полезными моделями, промышленными образцами, программами для ЭВМ, базами данных, топологиями интегральных микросхем, товарными знаками и знаками обслуживания, наименованиями мест происхождения товаров, осуществляют уполномоченные федеральные органы исполнительной власти. Основные направления научно-технической политики в РФ изложены в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 03.12.2012).

В зарубежном законодательстве также определяется государственная политика в сфере инноваций. К примеру, детально определена государственная политика США (гл. 35 § 200 US Code) в отношении технических инноваций. В положениях закона указывается, что политика и цели Конгресса США сосредоточены: на использовании патентной системы для содействия использованию изобретений, полученных при федеральной поддержке результате исследований или разработок; поощрении максимально широкого участия предприятий малого бизнеса в проводимых федеральных исследованиях и разработках; содействии сотрудничеству коммерческих предприятий и некоммерческих организаций, включая университеты; использовании созданных некоммерческими организациями и предприятиями малого бизнеса изобретений в целях развития свободной конкуренции и предпринимательства без чрезмерного усложнения перспективных исследований и открытий; содействии коммерциализации и доступности для об-

щественности созданных в Соединенные Штаты изобретений силами национальной промышленности и трудом новаторов; предоставлении правительством необходимых и достаточных прав в случаях федеральной поддержки изобретений в целях удовлетворения потребностей правительства и защиты общественных интересов от неиспользования или ненадлежащего использования изобретений, а также минимизации расходов на управление в области патентной системы.

В дополнении к этому предусмотрены преференции для национальной промышленности США (35 U.S.C. 204). Установлено, что правообладатели предоставляют любому лицу исключительное право использования или продажи изобретения (инновации) только в случае согласия этого лица на производство продукции, включающей такую инновацию, и если производство будет осуществляться преимущественного в США. В §207 гл. 35 US Code определены права правительства при распоряжении такими разработками достаточно конкретно.

Ежегодно Правительство США финансирует более 60 млрд. долларов в фундаментальные и прикладные исследования. Большая часть этой суммы сосредотачивается в 11 федеральных агентствах и ведомствах, в частности, в Национальном институте здоровья (NIH), Национальном научном фонде (NSF), Министерстве энергетики, Министерстве обороны, Министерстве образования, Министерстве торговли, Министерстве сельского хозяйства, NASA и др.

Результаты этих исследований в виде значительного числа статей публикуется каждый год. Примерно 90 000 работ ежегодно публикуются только NIH. В целях развития науки и техники, обеспечения доступа к результатам исследований и разработок в феврале 2013 года в Конгресс США четверть сенаторами внесен законопроект Fair Access to Science and Technology Research Act (FASTR) [37] – «Справедливый доступ к научным и технологическим исследованиям». Законопроект преследует цель обеспечить свободный доступ в Интернете к разработкам и отчетам по финансируемым государством научным исследованиям в интересах всеобщего блага и стимулирования национальной науки.

Проблема формирования и использования общественного достояния (public domain) и баланса монополии исключительных прав интеллектуальной собственности приобретает новое звучание в связи с публикацией Швейцарским Федеральным Институтом Технологий (Swiss Federal Institute of Technology (ETH, Zurich) pe-

зультатов исследования роли международных транснациональных корпораций [38].

Инфраструктура государственной поддержки инновационной деятельности проявляется не только в прямом финансировании НИОКР за счет бюджетных средств, но и в субсидировании инновационной деятельности, создании специальной инфраструктуры (инновационные центры, многофункциональные центры и т.д.), предоставлении налоговых льгот для выполнения НИОКР (особенно в отношении малого бизнеса), стимулирование формирования рынка венчурных инвестиций в инновации, создание государственных фондов и иных структур. В России создана Российская венчурная компания и на начало 2013 года в России действует 22 региональных венчурных фонда инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере, созданных в 2006–2013 годах Минэкономразвития РФ совместно с администрациями регионов, общим объемом 8,9 млрд руб. Представители РВК входят в попечительские советы этих фондов, создана госкорпорация Роснано, принят Федеральный закон от 28.11.2011 N 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» [39].

Венчурная индустрия в США, возникающая в конце 50-х годов XX века с принятием закона об инвестиционном финансировании малого бизнеса (SBIC), узаконившего частные инвестиционные фонды по финансированию и участию в управлении малым и средним бизнесом, привела к созданию Национальной ассоциации венчурного капитала, осуществляющей не только лоббирование интересов венчурной индустрии, но и выработку корпоративных стандартов для работы венчурных фондов, в компетенцию которых входит поиск перспективных компаний на рынке высоких технологий, участие в их уставном капитале и обеспечение их роста и развития с целью последующей выгодной продажи своей доли акций [40].

В рамках Всемирной торговой организации, объединившей 157 стран мира, были сформулированы универсальные базовые положения системы прав интеллектуальной собственности, которая наделила правообладателей авторских прав, патентных прав, прав на товарные знаки и другие объекты ограниченными исключительными правами, которые может предоставить экономика рынка (ограниченная монополия). Эти права осуществляется в правоприменительной и судебной практике в национальных правовых системах судов, а также в реализации Соглашений ВТО по торговым аспектам прав интеллек-

туальной собственности (ТРИПС). Соглашение ТРИПС, призванное уменьшить нетарифное регулирование и торговые барьеры, вытекающие из различных национальных режимов охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, стимулировало страны-члены ВТО принять минимальный уровень защиты прав интеллектуальной собственности. Тем не менее, многие аналитики опасаются, что эта система мешает глобальному технологическому прогрессу. В одном из исследований Федерального резерва США отмечалось, что патенты в своем действии очень похожи на торговые ограничения, поскольку они препятствуют свободному выходу конкурентов на национальные рынки, снижая тем самым развитие производственного потенциала и замедление экономического роста [41].

По мнению ряда исследователей [42], система прав интеллектуальной собственности может препятствовать государству предоставлять общественные блага, такие, как образование, доступные лекарства и внедрения сельскохозяйственных инноваций. Развивающиеся страны вынуждены тратить свои ограниченные средства на принудительную защиту прав интеллектуальной собственности вместо того, чтобы инвестировать в собственные инновации, и не в состоянии получать выгоду от коммерциализации своих знаний и естественных ресурсов, которые получили патентную защиту в промышленно развитых странах. В результате крепнет убеждение в том, что система прав интеллектуальной собственности противоречит интересам развивающихся стран.

Подвергается критике существующая система защиты прав интеллектуальной собственности и в развитых странах. Некоторые аналитики считают, что эта система не подходит для компьютерных программных продуктов и средств обеспечения, других быстро меняющихся технологий, и может привести к информационной олигополии для получения ренты на национальном уровне. Например, в США торговое законодательство позволяет компаниям блокировать импорт для защиты патентов. Кроме того, многие заявители полагают, что получение патента является дорогостоящей и отнимающей много времени процедурой, часто сопровождающейся длительными судебными разбирательствами. Система защиты авторских прав не соответствует реальности человеческого поведения в интернете. Люди хотят обмениваться информацией, новостями, музыкой, фильмами, но в соответствии с действующей

щим международным правом (также как и многими национальными законами) такой обмен часто считается пиратством. Во всем мире растет число сторонников (граждан и компаний) изменения законов, которые запрещают или ограничивают обмен информации в Интернете. Директор Всемирной организации интеллектуальной собственности публично признал, что система защиты прав интеллектуальной собственности теряет уважение и общественное признание, а пиратство достигло «угрожающих размеров».

Некоторые страны, включая Великобританию и Новую Зеландию, пересматривают свои подходы к правам интеллектуальной собственности. Европейский Союз находится в процессе реформирования защиты авторских прав в интернете. Американский экономист Кейт Maskus предложил создать Всемирной Организации интеллектуальной собственности всеобъемлющую базу данных всех существующих патентов и связать эту информацию с разработками и научными исследованиями. Создание такой базы данных расширит доступа к информации и снизит издержки поиска для изобретателей. Для облегчения обработки потока информации в Интернете, он призывает к заключению многостороннего международного соглашения для предоставления права передачи цифрового контента интернет-провайдером. Единые лицензионные сборы могут привлечь больше пользователей и генерировать больше доходов для создателей интернет-контента [43]. Кроме того, он призвал к глобальному соглашению по науке и технике для облегчения открытого взаимного доступа к результатам научных исследований. Это базовое соглашение по науке и технике может дополнить соглашения в рамках ВТО обеспечить защиту информации в области передовых технологий (кибербезопасность) и определить различные уровни открытого доступа к такой информации, включая традиционные ограничения для защиты национальной безопасности и общественной морали. При этом большая часть финансируемых государством фундаментальных исследований может быть использована как общественное достояние для поощрения передачи знаний и распространения инноваций [44]. Некоторые участники глобального рынка, такие как крупные киностудии и фармацевтические фирмы, обычно выступают против такого подхода, но и они вынуждены признать, что нынешняя система защиты интеллектуальных прав неэффективна. Сосредоточив свое внимание на правоприменительной практике и увеличении штрафных санк-

ции против «пиратов», и они признают невысокую эффективность современной защиты прав интеллектуальной собственности, что особенно ярко проявилось в период мирового финансового кризиса.

Современные цифровые технологии и глобальные информационные сети, совершившие настоящую революцию в сфере накопления и обмена информацией, потребовали изменения установившихся принципов защиты интеллектуальной собственности, которая создавалась в совершенно иной технологической среде. Глобальная интернет-среда и развитие информационно-коммуникационных технологий требуют новых концептуальных оценок для международного регулирования интеллектуальной деятельности в Интернете. Исходя из этого, Президент России в преддверии саммита G20 2013 года обратился к лидерам государств-членов группы с новой концепцией использования и охраны результатов интеллектуальной деятельности в Интернете, выдвинув в ноябре 2011 года ряд предложений [45]. Новые концептуальные подходы предложены в целях определения пределов законного использования результатов интеллектуальной деятельности и пользователей Интернета, расширения возможностей правообладателей по управлению и осуществлению прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет; оптимизации способа получения согласия правообладателя; контроля за соблюдением авторских и смежных прав в сети Интернет, информационных посредников, а также для разработки правового документа для осуществления и защиты правообладателей результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет.

Предлагаемые решения должны создать новые правовые, экономические и технологические механизмы, которые будут отвечать интересам всех Интернет-пользователей, правообладателей, информационных посредников, других участников глобальной сети, а также обеспечить защиту прав интеллектуальной собственности, их надлежащее осуществление правообладателями.

Содержание предложенных новшеств заключается в трех основных моментах:

1. Государство должно установить определенный уровень правовой охраны объектов авторского права и смежных прав в Интернете и предоставить право владельцу возможность выбрать модель защиты творческого результата в соответствии с интересами правообладателя.

2. Основным элементом нового подхода к защите авторских и смежных прав является то, что предлагается свободное использование объектов авторского права и смежных прав в Интернете, если правообладатель не предусмотрел иное. В то же время должен быть установлен минимальный уровень защиты прав, который не требует каких-либо заявлений от правообладателя.
3. В случае признания вины информационных посредников в Интернете (поставщиков услуг связи, Интернет, владельцев доменных имен, и т.д.) должны нести ответственность за нарушение авторских и смежных прав на общих основаниях, за исключением специально установленных случаев (напр., если они не знали или не должны были знать о незаконности содержания контента).

Реалии сегодняшнего дня требуют обновления концептуальных подходов к правовому режиму охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, и это в значительной степени должно найти свое отражение в национальном законодательстве и международно-правовых актах в сфере интеллектуальной собственности.

Литература

1. Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса /О кодификации гражданского права (1922-2006).М.: Статут,2010.- С.590, 592.
2. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые труды ВИЮН. М., 1941. Вып. VI. С. 66 – 67.
3. Гражданское право: Учебник. В 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. М., 2010. Т. 3. С. 103-104.
4. Суханов Е.А. О кодификации законодательства об «интеллектуальной собственности» // Суханов Е.А. Гражданское право России – частное право /Отв.ред. В.С.Ем. М.: Статут. 2008. С. 144.
5. И.А.Зенин. Право интеллектуальной собственности. Учебник. М.Юрайт.2011. С.-33.
6. Гражданское право: Учебник. В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2006. Т. 2. С. 272, 273;
7. Гражданское право: Учебник. В 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. М., 2010. Т. 3. С. 99,105; См. также: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 2 т. / Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. 4-е изд. М., 2010. Т. 2. С. 1225; Корчагина Н.П., Моргунова Е.А., Погуляев В.В. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М., 2008. С. 8.
8. Мозолин В.П.О концепции интеллектуальных прав. // Журнал российского права, 2007, N 12. С.108-109
9. Wendy J. Gordon. Intellectual Property. The Oxford Handbook of Legal Studies./ Peter Cane and Mark Tushnet, eds. Oxford University Press. October 2003. C- 617. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=413001>; Catherine Colston, Jonathan Galloway. Modern Intellectual Property Law. 3-d edition. Taylor& Francis Library. 2010 с.2-4 ; Ove Granstrand. The Economics and Management of Intellectual Property: Towards Intellectual Capitalism. Edward Elgar Publishing Ltd. Cheltenham, UK, 2000. –С. 18, 75-76. ; Peter Menell, Suzanne Scotchmer. Intellectual Property. HANDBOOK OF LAW AND ECONOMICS. 2005. UC Berkeley Public Law Research Paper No. 741724. C.-1-2. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=741424>;
10. Wendy J. Gordon. Intellectual Property. The Oxford Handbook of Legal Studies./ Peter Cane and Mark Tushnet, eds. Oxford University Press. October 2003. C- 618. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=413001>
11. Wendy J. Gordon. Intellectual Property. С. -618.
12. Ove Granstrand. The Economics and Management of Intellectual Property: Towards Intellectual Capitalism. Edward Elgar Publishing Ltd. Cheltenham, UK, 2000. –С. 18, 24-26
13. См.: Wendy J. Gordon. Intellectual Property. THE OXFORD HANDBOOK OF LEGAL STUDIES, Peter Cane and Mark Tushnet, eds., Oxford University Press, 2003. С. 624-628 ; William Fisher. Theories of intellectual property. pp. 168-193 // Stephen R. Munzer. New Essays in the Legal and Political Theory of Property. Cambridge University Press, 2001. С.169
14. William Fisher. Theories of intellectual property. // Stephen R. Munzer. New Essays in the Legal and Political Theory of Property. Cambridge University Press. 2001. С.169 источник: http://books.google.ru/books/about/New_Essays_in_the_Legal_and_Political_Theory.html?id=cBGGymggsJ0C&redir_esc=y
15. William M.Landes, Richard A. Posner. The Economic Structure of intellectual Property Law. Harvard University Press. 2003. С.13-14, 294-295 Источник: <http://books.google>.

- ru/books/about/The_Economic_Structure_of_Intellectual_P.html?hl=ru&id=X-KkvbT6F4UC.
16. William Fisher. Theories of intellectual property. C. 170
17. William Fisher. Theories of intellectual property. C. 173.
18. Justin Hughes. The Philosophy of Intellectual Property. Georgetown Law Journal . 1988.C. 299-330. Источник: <http://www.justinhughes.net/docs/a-ip01.pdf>
19. William Fisher. Theories of intellectual property. C. 173-174.
20. См.: Netanel, Neil W., Why Has Copyright Expanded? Analysis and Critique. NEW DIRECTIONS IN COPYRIGHT LAW, Vol. 6, Fiona Macmillan, ed., Edward Elgar, 2008; UCLA School of Law Research Paper No. 07-34. SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1066241> с. 30
21. Neil W. Netanel. Why Has Copyright Expanded? Analysis and Critique. NEW DIRECTIONS IN COPYRIGHT LAW, Vol. 6, Fiona Macmillan, ed., Edward Elgar, 2008; UCLA School of Law Research Paper No. 07-34. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1066241> C.12-13,
22. Neil W. Netanel. Why Has Copyright Expanded? Analysis and Critique. NEW DIRECTIONS IN COPYRIGHT LAW, Vol. 6, Fiona Macmillan, ed., Edward Elgar, 2008; UCLA School of Law Research Paper No. 07-34. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1066241> . C. 16-17.
23. Balganes Shyamkrishna. The Pragmatic Incrementalism of Common Law Intellectual Property (March 2010). Vanderbilt Law Review, Vol. 63, Nov. 2010, N6. ; U of Penn Law School, Public Law Research Paper No. 10-12. Источник SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1572847>. C.1549-1550, 1552
24. Richard A. Epstein. The Disintegration of Intellectual Property? A Classical Liberal Response to a Premature Obituary. Stanford Law Review, 62 (2) 2010. с. 455, 456, 520–21.
25. Peter S. Menell. Governance of Intellectual Resources and Disintegration of Intellectual Property in the Digital Age. Berkeley Technology Law Journal. Vol. 26, N 4. 2011 C.1523-1560.
26. http://btlj.org/data/articles/26_4/1523-1560_Menell_041712.pdf
27. См.подробнее: Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: ЭКСМО, 2007. Joseph A. Schumpeter. The Theory of Economic Development. 10th printing (2004). Transaction Publishers,1983
28. Wendy J. Gordon. Intellectual Property. As published in THE OXFORD HANDBOOK OF LEGAL STUDIES, Peter Cane and Mark Tushnet, eds., Oxford University Press. 2003. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=413001> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.413001> C.618-619
29. Rochelle C. Dreyfuss. Does IP Need IP? Accommodating Intellectual Production Outside the Intellectual Property Paradigm (April 1, 2010). NYU Law and Economics Research Paper No. 10-34. C. 1449-1452.
30. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1639590> Подробнее см.: Peter Drahos. A Philosophy of Intellectual Property. Dartmouth, USA.1996. Reprinted 2001.
31. Peter S. Menell. Intellectual property: General theories. Bouckaert, Boudewijn and De Geest, Gerrit (eds.), Encyclopedia of Law and Economics, Volume II. Civil Law and Economics , Cheltenham, Edward Elgar, 2000. C.130-131. Источник: <http://encyclo.findlaw.com/tablebib.html> ;
32. Wendy J. Gordon. Intellectual Property. THE OXFORD HANDBOOK OF LEGAL STUDIES, Peter Cane and Mark Tushnet, eds., Oxford University Press, 2003. C.631-633
33. Подробнее см.: Wendy J. Gordon. Intellectual Property. THE OXFORD HANDBOOK OF LEGAL STUDIES, Peter Cane and Mark Tushnet, eds., Oxford University Press, 2003. C.632-633
34. Hayek F. A. The Constitution of Liberty: The Definitive Edition 2011. The University of Chicago Press. (всего 585 стр.) стр.88 и др. <http://books.google.ru/books?id=plCHyxBYrP8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> ;
35. Hayek F. A. Individualism and Economic Order. The University of Chicago Press. Published 1980 (всего 271 стр.). стр.20, 114 и др. Источник: http://books.google.ru/books?id=q1jn5nE3tsYC&redir_esc=y ; Hayek F. A. A Free-Market Monetary System. Ludwig von Mises Institute. 2008 всего 56 стр. Стр. Источник: <http://books.google.ru/books?id=oZoaRywICp0C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
36. Frank H. Knight. Risk, Uncertainty, and Profit. Sentry Press. 1964 (переиздание 1921г.).
37. Подробнее см.: Peter Drahos. A Philosophy of Intellectual Property. Dartmouth, USA.1996.

- Reprinted 2001; Stephan Kinsella. Against Intellectual Property. Journal of Libertarian Studies. Volume 15, no. 2 (Spring 2001) Ludwig von Mises Institute. Источник: www.mises.org
38. Catherine Colston, Jonathan Galloway. Modern Intellectual Property Law. 3-d edition. Taylor& Francis Library. 2010 с.2-4
 39. Catherine Colston, Jonathan Galloway. Modern Intellectual Property Law. 3-d edition. Taylor& Francis Library. 2010 .С.2-5
 40. FASTR является преемником ранее предложенного в 2009 и 2012гг. законопроекта Federal Research Public Access Act (FRPAA). Источник: <http://doyle.house.gov/sites/doyle.house.gov/files/documents/2013%2002%2014%20DOYLE%20FASTR%20FINAL.pdf>
 41. Stefania Vitali, James B. Glattfelder, Stefano Battiston. The Network of Global Corporate Control. 2011. Источник: <http://www.plosone.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pone.0025995>
 42. Собрание законодательства РФ. 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7013.
 43. А.Шилов. Инновационная экономика: наука, государство, бизнес. «Вопросы экономики», № 1, 2011. С.136-137 (с.127-137).
 44. Susan A. Aaronson. Intellectual property rights. THE INTERNATIONAL ECONOMY. FALL 2012. С.68 (с.66-69) Electronic copy available at: <http://ssrn.com/abstract=2189174>
 45. Susan A. Aaronson. Intellectual property rights. THE INTERNATIONAL ECONOMY. FALL 2012. С.68-69.
 46. Keith E. Maskus, Private Rights and Public Problems: The Global Economics of Intellectual Property in the 21st Century, (Washington: Peterson Institute, 2012), pp. 18–19.
 47. John H. Barton and Keith E. Maskus, «Economic Perspectives on a Multilateral Agreement on Open Access to Basic Science and Technology,» SCRIPTed Vol. 1, no. 3, September 2004, <http://www.law.ed.ac.uk/ahrc/scripted/issue3/barton-maskus.pdf>
 48. См. документ источник: <http://eng.Kremlin.ru/news/3018>

Леонтьев Борис Борисович
доктор экономических наук, профессор, г. Москва,
e-mail: info@sois.ru

О возрождении естественного права как источника юридической науки

Естественное право возникло в античные времена ввиду намерения мудрецов выстраивать законы общества на законах природы. В то время вся наука, философия, как и вся природа, рассматривались с междисциплинарной позиции. Однако физическая ликвидация Платоновской Академии со временем изменила взгляды на науку, которая распалась на самостоятельные и почти независимые дисциплины, что резко снизило эффект от ее практического применения. Исчез природный и научный смысл естественного права. Сегодня оно почти не востребовано. Однако открытие в институте СОИС, где возрождаются платоновские традиции, феномена интеллектуальной природы, развивающейся на законах природы, дает основания для полноценного восстановления роли естественного права как фундамента юридической, а также всей академической науки и современной инновационной экономики.

Ключевые слова: естественное право, природа, междисциплинарность, интеллектуальная собственность, интеллектуальная природа, системность, правоприменение, законотворчество, государство, бизнес, инновации, управление, экономика.

Современное право сегодня переживает, образно говоря, «времена полигамии», когда его выстраивают, как хотят и используют, как хотят, любые власти под прикрытием лозунгов демократизма. Это порождает множество проблем и экономические кризисы. Мечта античных мудрецов соединить воедино законы природы и общества ещё тогда породила понятие «естественное право», ныне редко используемое. Современная трактовка естественного права объясняет нам, что оно подразумевает «идеальные факторы права, которые выражают глубинную сущность права и существуют в сознании (правосознании) как его установка; правовой идеал, очищенный от случайностей, форма должного в отношении между людьми»[1]. Разнообразные и недостаточно успешные попытки возврата современных юристов к идее естественного права сегодня не случайны. Они, во-первых, связаны с развитием науки и научной этики, что порождает естественно-правовое мышление. Во-вторых, стремление от тысяч доктрин в конце концов перейти к «естественному состоянию» права.

В-третьих, к этому подталкивает быстрорастущий интерес к проблеме междисциплинарности, порождаемой содержанием инновационной экономики.

Интерес автора к данной проблеме, в дополнение к вышесказанному, состоит в том, что предложенная автором «Современная теории идей» (СТИ) [6] позволяет сделать ряд революционных научных открытий, которые могут успешно реализовать давнюю мечту античных мудрецов о естественном праве.

1. О междисциплинарности правоприменения

Возрождение естественного права скорее всего следует начинать с анализа содержания самой природы.

Природа междисциплинарна, а современная наука с её углубляющейся специализацией – дисциплинарна. Наука XV-XIX веков также была междисциплинарна, максимально прибли-

жена к природе, и основные научные открытия произошли именно в тот период. Сегодня мы вновь возвращаемся к проблеме междисциплинарного образования и научных исследований в связи с проникновением интеллектуальной собственности во все поры современной экономики и политики.

Наши многолетние исследования интеллектуальной собственности в экономике, инновационных процессах, высоких технологиях, создаваемых, продвигаемых и постоянно воспроизводимых в современных условиях, убедили нас в исключительной междисциплинарности понимания этих феноменов на разных иерархических уровнях управления. Более того, мы убедились и учим студентов тому, что не существует чисто экономических и чисто юридических систем и процедур в современной экономике. Все они, как минимум, экономико-правовые или юридическо-экономические. Если в специализированных системах прямо не говорится об асимметричных юридическом или экономическом аспектах, то они обязательно подразумеваются.

Интеллектуальная собственность – понятие более широкое, чем экономико-правовое. Оно всегда, как минимум, троично: технико-экономико-правовое или художественно-экономико-правовое. Там есть содержание техническое или художественное, юридическая форма идентификации, охраны и правоприменения и экономическое назначение. Все, кто действуют с позиции интересов лишь в одной сфере знаний, создают сложности своим партнерам.

Однако интеллектуальная собственность тысячекратно проще самого её создателя и пользователя – человека. Он в отношениях с этим видом собственности может выступать многолико: как автор, правообладатель, лицо содействующее внедрению инновационных технологий, работодатель, производитель продукции, продавец, потребитель и выполняет ещё множество других ролей в инновационной экономике. Он многолик в воспроизводственном процессе и он же – инициатор и источник всех преобразований, в том числе построения и обновления всех нормативно-правовых систем.

Как строятся правовые системы, а также кто и что в них является первоисточником? Об этом у современного юриста далеко не всегда складывается правильное представление. В этом нас убеждает доктор юридических и экономических наук, кандидат технических наук Анатолий Владимирович Птушенко (1928–2012), человек

с редким по качеству системным и обстоятельным мышлением. В своем основном труде своей жизни [2], написанном в основном в 2000-е годы, он обстоятельно по полочкам разложил то, о чем многие юристы лишь догадываются, но обычно не решаются об этом вслух высказываться, поскольку сами не видят выхода из создавшегося в юридической теории и практике запутанного положения в отношении источников права.

Примерно такое же положение мы наблюдаем в экономической науке, где сегодня отсутствует убедительное экономическое начало, но есть множество методов. А экономика интеллектуальной собственности как актуальное направление в науке и образовании вовсе отсутствует как междисциплинарный аспект. Поэтому тысячи учебников по инноватике сегодня не дают необходимого минимума знаний, чтобы эффективно управлять инновациями и высокотехнологичным бизнесом. Отсюда огромные бюджетные потери. Все лучшие примеры российской и мировой практики успешного управления инновациями и высокотехнологичным бизнесом говорят о том, что это создали либо самородки, либо инженеры, вырастившие свой собственный бизнес, таланты, изучившие по ходу своей деятельности кое-что из экономических учебников, а кое-что – из юридических. В основном они являются создателями и пользователями различных механизмов управления инновациями и бизнесом в рамках своей деятельности. Отметим, что все эти механизмы, если они, разумеется, эффективны и стабильны, то обязательно междисциплинарны, где помимо технико-экономико-правовых норм, знаний, навыков требуются ещё и учет социальных требований и психологических особенностей. То есть, вся инновационная экономика и всё управление высокими технологиями как и эффективная правоприменительная практика интеллектуальной собственности исключительно междисциплинарны. Проблема в том, что пониманию междисциплинарности в наших вузах не учат, а чисто дисциплинарные образовательные программы и образовательные традиции явно устарели. Но вернемся к книге А.В.Птушенко, предлагающего выход из создавшегося положения.

2. Что такое правоведение

Официальные источники отечественного происхождения тщательно избегают определения научной дисциплины «правоведение».

В Большой советской энциклопедии это определение попросту отсутствовало. В широко известной у нас «Юридической энциклопедии» [3] статья «правоведение» отсутствует. Большая юридическая энциклопедия другого издания в статье «Сравнительное правоведение» объясняет, что это «отрасль юридической науки, изучающая правовые системы различных государств путем сопоставления одноименных государственных и правовых институтов, систем права, их основных принципов и т.д.» [4].

Ясно, что по причине серьёзного дефицита понимания этого раздела юридических наук междисциплинарно образованный и мыслящий А.В.Птушенко решился восполнить его собственным фундаментальным произведением, объемом более семисот страниц сплошной оригинальной аналитики, что для обычного юриста не характерно.

Прокомментируем его позицию относительно разных взглядов на правоведение. «В среде «ортодоксальных юристов» бытует ошибочное мнение, будто бы правоведение – это не для будущего профессионального юриста, а для студентов всех смежных специальностей, которым нужно лишь общее знакомство с правом. Поэтому курс правоведения выливается в этапное беглое обозрение «отстоя» с краткими комментариями к «злобе дня» текущего законодательства. При этом между законом и правом не делается необходимого различия» [2, стр. 17–18]. Именно этим объясняется позиция автора, предлагающего фундаментальный, по его выражению, «настоящий учебник, где предлагается принципиально иной взгляд».

Следует исходить из того, что правоведение – наука о Праве. Вместо этого, по мнению Птушенко, в учебниках правоведения мы обычно отмечаем «анализ быстротекущих законов, многие из которых – неправовые, а должно быть исследование правовых проблем, методологии построения Права, философии Права, соотношения Права и Закона, ошибок законодательства. На наш взгляд, предмет Права вовсе не сводится к взглядам на Право какого-либо «текущего» государства – ибо само государство обязано жить по праву, а не по сиюминутным, лоббирующим чьи-то шкурные интересы нормам. Утверждение, что государство и право неразрывны – плод недоразумения: государство действительно не может без права, но из этого вовсе не вытекает, что право не может существовать без государства. Говорят, право нуждается в силовом «обеспечении» со стороны государства. Это досадное заблуждение.

В государственном «обеспечении» нуждаются законы. Право нуждается в одном – в абсолютной логичности и системности его создателей. И если закон занят деталями, то для Права важнее общие принципы и концепции» [2, стр. 18].

Далее А.В.Птушенко более подробно останавливается на вопросах иерархии относительно понятий *Общество* как наиболее высокой подсистемы и *Государство* как соподчинённое обществу. «Мы полагаем неверными и представления о Гражданском обществе как о некоем «сухом остатке» при вычитании государства из Общества. Общество – система более высокого порядка, государство – подсистема Общества. При этом нам не важно, что сегодняшнее российское государство не дотягивает до такого положения: предмет правоведения – не текущие обстоятельства жизни Общества, а их потребное («идеальное») состояние. Именно этим и отличается Правоведение от изучения действующих законов» [2, стр. 18].

Готовя высококвалифицированных юристов, следует, прежде всего, дать им превосходные знания о правоведении, которые должны вырабатывать способности применения междисциплинарного подхода к анализу любой юридически значимой ситуации, способность системно мыслить и не путать иерархию юридических категорий. По мнению Птушенко, следует отличать правоведов от законников. Законники пишут и комментируют законы, а правоведы понимают, владеют предметом юриспруденции всесторонне. «Знаток действующих законов – законник. Право же – предмет исследования правоведа. Поэтому именно будущий профессиональный юрист должен в совершенстве знать науку о Праве. Профессиональный юрист должен знать не только историю Права, но и различия в подходах к основным его проблемам. Квалифицированный правоведа должен хорошо владеть формальной логикой, методологией системного анализа и уметь применять следствия теоремы Гёделя к теории Права. Он должен понимать значение экологии как синтетической науки об эколого-экономико-правовых объектах. Он должен знать о значении космического права и о роли самой космонавтики в жизни будущего человечества. Правоведа должен быть широко образованным человеком» [2, стр. 18,19].

Из-за того, что в юридической науке наши отечественные специалисты по юриспруденции не обнаружили весомого исходного начала и у них нет достойной теории права, то к правоведению, как науке чисто теоретической отно-

шение складывается неутешительное. Об этом А.В.Птушенко пишет как о системном недоразумении. «Чисто юридические вузы считают правоведение чем-то ниже их собственного достоинства. Правоведение преподают в неюридических вузах и даже в средней школе. Официальный подход сводится к тому, что студента следует учить некоему усреднённому взгляду, – «отстою», полностью игнорирующему не только различия в подходах к сложным проблемам права, но и явные недоработки и нелепости, которыми изобилуют Конституция, кодексы и рядовые законы. Наименее осмыслены представления о Гражданском Обществе и правовом государстве, о самоуправлении, о сущности собственности, о системной сущности юридического лица, об интеллектуальной собственности, о компьютерном праве и о многом другом» [2, стр. 20].

Учитывая огромный дефицит этого раздела юридической науки, Птушенко дает свою трактовку правоведения. «Чтобы понять сущность объекта, нужно представить его в виде системы: определить, в ряду каких систем он находится, из каких собственных подсистем он сам состоит, элементом какой метасистемы он является.

Итак. Предметом курса «Правоведение» является система Права – не локального права, не системы законодательства, а источника законов, системы их взаимосвязей и обоснований, критического анализа «текущих» законов и методов их приближения к нормам Права, типовых ошибок законодательства и правотворчества, общих недоработок и теоретических проблем Права.

Частные нормы права должны изучаться в отдельных «текущих» локальных курсах.

Таким образом, в известном смысле правоведение и есть Общая теория Права» [2, стр. 20].

Птушенко весьма обстоятельно и на примерах обосновывает необходимость создания принципиально нового учебника по правоведению, который он отдаёт на суд специалистов как Общую теорию права». При этом он не упоминает о естественном праве, на которое достаточно часто ссылаются зарубежные юристы, описывающие отношения между Природой, Обществом и Человеком. Дело в том, что традиционно общество и государство в аспекте естественного права рассматриваются преимущественно с позиции биологических аспектов, где, прежде всего, стоят вопросы безопасности биологической, экологической, но не с позиции широкого понимания природных закономерностей. Мы же именно с этих позиций будем рассматривать правоведение. Но предварительно обратимся к анализу ин-

новационной экономики и тем выводам, которые мы сделали и которые привели нас к открытию.

3. Мировые тенденции

Многолетние исследования специалистов [5, 6, 7, 8, 9, 10], посвященные развитию российского и мирового рынка интеллектуальной собственности, выявили в этой сфере множество общенаправленных феноменов. Отметим лишь три наиболее характерные из них, важные для идентификации факторов, развивающих естественное право.

Во-первых, наблюдается нарастающая мировая интеграция и системность в сфере интеллектуальной деятельности. Следует отметить, что сфера воспроизводства интеллектуальной собственности уже поглотила практически всю российскую и мировую экономику и расширяется значительно дальше. Сегодня она уходит в сферу социальных отношений и сферу всей мировой политики, в сферу информационных деловых и бытовых отношений. Взять хотя бы то, что происходит в Интернете – в этой всемирной информационно-технической системе, где вовремя не были задействованы режим и ресурс интеллектуальной собственности. Мировые и национальные конфликты все чаще возникают здесь, ввиду изначального отсутствия какой-либо культуры общения в Интернете. Всемирная сеть никому не принадлежит, но это глобальная среда и она до сих пор не охраняется никакой международной конвенцией. Национальными и международными усилиями здесь все же начинает наводиться определенный порядок в отношении бесхозности и бессистемности отношений, где зачастую доминируют инстинкты физиологии, эгоизм и бескультурие. Общее состояние Интернета медленно, но все же переходит в системное русло, где нарушителей находят и пытаются привлечь к ответственности. Здесь хотелось бы акцентировать внимание на том, что от стихийных отношений мы постепенно движемся к системным отношениям, как более сознательным и ответственным. Мировые тенденции развития законодательства здесь сводятся к усилению стимулирования интеллектуальной деятельности во всех сферах общества.

Во-вторых, страна несет огромные потери в результате общей российской бессистемности в управлении интеллектуальной собственностью и отсюда огромные потери. Экономика интеллектуальной собственности стала есте-

ственной реальностью для многих тысяч специалистов, занимающихся различными аспектами рынка, но до сих пор она остается вне поля зрения российского правительства и отдельных министерств.

Шестой международный форум «Интеллектуальная собственность – XXI век» показал в очередной раз, что отсталость российской инновационной экономики объясняется особенностью восприятия института интеллектуальной собственности в министерствах, ведомствах и госкорпорациях. Он слишком сложен для понимания со стороны чиновников. У них до сих пор остается отношение к феномену интеллектуальной собственности как всего лишь к сфере охраны и защиты патентов и авторских произведений. Как представляется, в правительстве отсутствует какая-либо разумная системность, собранность и ответственность в этом вопросе. А ведь бессистемность – наиболее благоприятное состояние любой среды для массовой коррупции. Отсюда огромные неоправданные потери бюджетных средств, которых можно было бы избежать, прояви правительство волю. Потери еще большие и неучтенные страну ждут на мировом рынке, где Россия отмечена как ресурсная держава и, соответственно, несет стратегические потери в политической сфере. Это наши стратегические потери, которые многократно больше непосредственно бюджетных. Это цена бессистемности в важнейшем стратегическом аспекте. **Основное недоразумение здесь заключается в бессистемности стимулирующих норм, создающих свободу самовыражения российской творческой интеллигенции, готовой интенсивно развивать национальную инновационную экономику.**

В-третьих, наблюдается стабильное растущее стратегическое влияние мирового института интеллектуальной собственности. Ведущие специалисты отмечают, что институт интеллектуальной собственности на международном уровне уже стал всеобщим фундаментом мировой науки, культуры и бизнеса. Недаром более двадцати пяти ведущих стран мира сегодня разрабатывают, используют и совершенствуют свои национальные стратегии интеллектуальной собственности. В их числе США, Великобритания, Франция, Китай, Япония, Германия, Украина, Беларусь, Турция, Словакия и даже такие страны, как Киргизия и Монголия. Здесь Россия демонстрирует свою вялость, хотя работа начата, но ее ход развития и состояние дел явно неудовлетворительны. Стран, правительства которых

не понимают важности феномена интеллектуальной собственности уже практически не остается на мировой арене. Вольно или невольно, но в этот всеобщий мировой процесс развития интеллектуальной собственности включаются все. Кто-то это делает вынужденно и пока бессистемно, а кто-то сознательно и системно. Мировая интеллектуализация системно усиливается и интегрируется.

Не развиваясь в данном направлении, Россия теряет время и свои исторические шансы стать мировым лидером в инновациях и быть соответственно привлекательной для инвесторов. В итоге мы остаемся бесплатным донором идей, технологий и креативных мозгов для ведущих стран лидеров в инновациях, то есть, для США, Китая, Великобритании, Японии, Германии, Южной Кореи, Швеции, и др. Организационно-экономические действия российского Правительства с позиции естественного права для наиболее активной и способной части населения сводятся к тому, что активизируя или реализуя свободу граждан в ликвидации невосполнимых природных ресурсов, ущемляется свобода граждан, ориентированных на научную, изобретательскую и инновационную деятельность через нескладывающиеся условия труда, когда творческий труд не ценится и не востребован..

Общий вывод по этим трем всеми наблюдаемым феноменам состоит в том, что мировая интеллектуализация системно усиливается, а Россия пока еще не вписывается в этот мировой процесс и соответствующий мировой рынок. Сам характер адаптации с позиции естественного права наблюдается как расширение свобод «неинтеллектуальной» части населения и ущемление свобод интеллектуальной элиты страны.

4. Интеллектуальна природа

Наблюдая за развитием всемирного инновационного процесса уже более сорока лет, автор статьи констатирует не только всеобщую тенденцию интеллектуализации всей цивилизации, о чем говорит хотя бы постоянно растущая мировая статистика регистрации патентов, объектов авторского права, товарных знаков и ноу-хау. Здесь уже следует обнародовать наши давние выводы о том, что современная цивилизация достаточно явно показывает развитие третьего природного феномена – интеллектуального. То есть, можно констатировать, что земная природа представляет собой три вида и этапа эволюции –

неживой природы, живой (или биологической) и, наконец, интеллектуальной. Все три природы имеют общие законы и закономерности своего развития, а точнее, саморазвития и самоорганизации. Все они едины в главном – в самоорганизации и циклически растущей системности внутри себя. Но при этом они отличаются друг от друга, во-первых, скоростью обновления своих феноменов, во-вторых, массой и масштабом их пространственного воспроизводства. Интеллектуальная природа быстрее остальных видов обновляется и развивается, но она занимает наименьшее пространство и вовлекает наименьшие объемы материальных ресурсов. Смысл интеллектуальной природы – растущая системная интеллектуализация всех сфер жизнедеятельности человека. Она развивается путем минимизации объемов материальных ресурсов и максимизации функций и общего эффекта от их реализации. Общая цель растущей многофункциональности неизменна – максимизация безопасности, комфорта, самовыражения и самосохранения наиболее активных и значимых субъектов этой природы. Это крайне важные выводы, поскольку обоснование интеллектуальной природы, до сих пор не обнаруженной учеными, дает право ее выделение отнести к полноценному научному открытию. А заодно следует заявить, что для естественного права с этого момента появился новый мощный фундамент для развития юридических наук на основе естественного права.

При этом следует отметить, что к выделению интеллектуальной природы в отдельный вид мы последние годы пришли вынужденно. И вот почему.

Во-первых, возглавляемым автором институтом СОИС¹, где одновременно ведутся работы по развитию теории и практики правоприменения интеллектуальной собственности, выявлены уже сотни закономерностей современного общества, которые не относятся ни к одной из известных научных дисциплин, а всегда имеют междисциплинарный характер например, человеческий фактор или человеческие ресурсы.

Во-вторых, в искусственно придуманных людьми научных дисциплинах нет никаких специализированных законов. Все законы и закономерности реально имеются только в природе, которая, как минимум, неживая или живая. Возьмите хотя бы законы Менделеева, Ломоносова, Ньютона, Кеплера и Менделя. Все законы носят

междисциплинарный характер и дают эффект, когда применяются в различных природных пространствах, локальных и глобальных.

В-третьих, феномен института интеллектуальной собственности имеет исключительно междисциплинарные применение и эффекты в науке, культуре, бизнесе, промышленности, народном хозяйстве, в мировом экономическом, социальном и политическом пространстве. Институт интеллектуальной собственности никто и никогда специально не придумывал, не изобретал и не развивал. Процесс его развития происходил стихийно как природная закономерность. Всеобщий феномен возникновения и развития института интеллектуальной собственности во всем мире можно назвать феноменом естественного развития интеллектуальной природы, где системность нарастает.

В-четвертых, биологическая природа от интеллектуальной отличается механизмами адаптации к среде. Биологическая природа развивается преимущественно через генетическую адаптацию. Интеллектуальная – преимущественно через интеллект. Но интеллект не взялся из ниоткуда. В элементарном виде он имеется практически у всех организмов. Основным свойством интеллекта является обучаемость. Но это всего лишь биологическая природа с элементом примитивного зачаточного интеллекта. **Функция интеллекта – наращивать самоадаптацию, самоорганизацию и самосистематизацию.**

В-пятых, интеллектуальная природа, представленная лишь одним биологическим видом – человеком, в своем эволюционном развитии имела три начала наращивания системности форм и отношений между ее субъектами:

- › начало первое – **техническое**, когда стали применяться в качестве инструмента палка, камень, огонь, ножи, топоры, копья, мечи, луки, стрелы и т.п.;
- › начало второе – **символическое**, когда стала применяться письменность и знания стали быстро накапливаться, широко распространяясь через различные летописи. Так человечество через конкретные авторские произведения вышло «из тьмы на свет», где история стала частично фиксируемой и относительно обозримой;
- › начало третье – **информационное**, когда обмен знаниями стал принимать системный целенаправленный характер и люди стали их использовать для обеспечения собственных безопасности, комфорта и самовыражения. Третье начало также отмечено появлением и

¹ Институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса.

развитием общесистемной идеологии, известной как философия античности, возрождения и позитивизма. Стихийно развивающийся позитивизм известен как философия научно-технического и социального прогресса. Здесь хочется обратить внимание на то, что большинство современных философов интуитивно увлеклись философией науки.

Технические рубежи с появлением третьего начала можно отметить через следующие великие изобретения – книгоиздание, радио, телевидение, Интернет и информационные космические технологии. Все начала и все великие изобретения ориентированы на более системное развитие интеллектуальной природы. В самой же интеллектуальной природе обновление происходит, во-первых, за счет новых идей как авторских вкладов во всех сферах человеческой деятельности и, во-вторых, за счет обновления субъектов, начиная с самих человеческих организмов. Это обновление происходит как естественное и необходимое для прогресса явление.

Отсюда можно сделать несколько важнейших выводов:

1) вся известная нам природа – неживая, живая и интеллектуальная – возникает, функционирует и развивается строго закономерно, системно и предопределенно по ее общему глобальному вектору развития;

2) системность – главное и общее свойство любой природы. Оно в интеллектуальной природе отмечено вектором развития от незнания к знанию, от меньшего объема знаний к большему;

3) фрагменты выявленной природной системности людьми давно уже идентифицированы как научные открытия, которые являются самым важным достоянием человечества. Научные открытия реально становятся новыми микроэтапами развития интеллектуальной природы;

4) ВОИС с момента своего образования в 1967 г., переходит на все более общее, важное и системное понимание интеллектуальной собственности. Начало деятельности данной организации было сугубо юридическое, затем появилось экономическое. Сегодня ВОИС развивает междисциплинарное, общесистемное понимание интеллектуальной собственности как феномена международных отношений;

5) это открытие дает новый импульс развитию всей системы социальных знаний и юриспруденции, в частности, где естественные права следует рассматривать как возрождение идеи античных мудрецов об объединении законов

природы и общества. Эти выводы можно квалифицировать как заявку на весьма важное научное открытие.

5. Идентификация научного открытия

Необходимо отметить, что научное открытие – это принципиально новое знание о свойствах и формах естественной природы, понимание которого влечет появление новой научной парадигмы и, соответственно, существенные изменения в обществе.

Суть нашего открытия состоит в выделении интеллектуальной природы в третий самостоятельный вид природы – неживая, живая, интеллектуальная. Но открытием является не сам термин, а обоснование нового природного феномена, явления. Это обоснование, автор статьи приводит в предыдущем разделе.

Что дает это открытие? Его признание влечет за собой очень многие изменения. Прежде всего существенно меняется структура всей научной системы, где к естественным наукам теперь отнесена интеллектуальная природа, и нейрофизиология по отдельным фрагментам начинает междисциплинарно сращиваться с некоторыми феноменами в системе так называемых социальных научных дисциплин в сфере экономики, социологии, психологии, юриспруденции и др. Институт интеллектуальной собственности превращается в феномен естественной природы и, соответственно, в объект естественного права. В нем начинают выявляться новые природные закономерности, формы, свойства, качества, функциональные возможности, ресурсный потенциал, тенденции развития и относительно точные прогнозы будущего, чего до сих пор не было и быть не могло. Сегодня этот бум в науке и образовании мы уже наблюдаем.

Российская академия наук (далее – РАН) вынуждена будет открывать новое естественнонаучное отделение – что-то вроде отделения интеллектуалогии, где одним из подразделений мы ожидаем под название «естественное право». Развиваясь интуитивно и стихийно, сегодня РАН, по сути, уже открыла новое отделение «глобальные исследования», не принимая во внимание, что все, что ему предписано, относится к интеллектуальной природе и ее взаимодействию с двумя другими видами природы.

Экономика интеллектуальной собственности с её мощным юридическим потенциалом

в ближайшие годы должна стать базовым экономическим знанием для всех руководителей, начиная с премьер-министров всех стран и министров, а также всех менеджеров во всем мире, что было бы вполне логично и правильно. От описания остальных изменений пока воздержимся. Их множество и они существенные. **Здесь важно, что Россия первая открыла феномен интеллектуальной природы.**

6. Что такое естественное право

Это не современное изобретение, оно имеет глубокую историю как попытку объединения социальных и естественных законов. Мудрецы Платоновской Академии в Древней Греции уже тогда ставили архиважную задачу: вывести законы общества из законов природы. В то время человека и социум рассматривали как новый вид природы, где действовали те же законы, что в неживой и в живой. Вся наука рассматривалась как разделы философии исключительно с междисциплинарных позиций. Философия занималась поиском законов природы и общества. Естественное право было разделом философии, где права природы и человека объединялись. Открытие интеллектуальной природы как таковое в то время не состоялось потому, что произошла цивилизационная катастрофа. В 529 году была физически ликвидирована Академия Платона, на тот момент просуществовавшая 916 лет.

7. Закономерности интеллектуальной природы

Естественное право может получить новую жизнь из самого факта существования третьего вида природы (интеллектуальной). Мы же в соответствии с этим утверждением должны подтвердить статус этой новой для науки природы определенными атрибутами. По нашему мнению, к ним относятся:

- особые свойства, которых 312 по результатам исследования и которые характеризуют исключительно человека [12, стр. 551].
- уникальность формообразования как вида, где из мира животных нас выделяет прямохождение, пятипалость, гортань, всеядность, родовитость. Это формообразование обеспечило человеку преимущество в биосреде как самому универсальному организму. Следствием этого стало развитие технизации жизни

недеятельности, а далее – языка, письменности, интеллекта, науки;

- закономерности системной самоорганизации, которых мы выделили уже более сотни, часть из которых нами опубликована и начинает широко применяться. Далее мы остановимся на закономерностях интеллектуальной природы, как на важнейших её атрибутах, составляющих фундамент естественного права.

Основные законы интеллектуальной природы, из которых проистекает множество закономерностей, мы опубликовали в «Современной теории идей» (СТИ) [6]. К ним относятся:

- **закон монизма**, где благо выступает в качестве первопринципа или безначального начала, как его уже давно характеризуют философы [12, стр. 79-80]. В трактовке СТИ этот закон называется «Закон элитарных благопривилегий», поскольку определяет любой порядок и иерархию в природе вообще и в биологической и интеллектуальной, в частности. Благо определяет способы обустройства и смысл самоорганизации человека и других субъектов;
- **закон двоичности**, где асимметрия энергетическая, материальная, формальная, интеллектуальная, биологическая определяет стратегию и тактику и прочие векторы поведения человека и всех субъектов социума. Асимметричность – базовое свойство всей природы. Асимметричны все основные отношения в обществе, где полюсами являются: Добро – Зло, количество – качество, стратегия – тактика, знания – отношения; мужчина – женщина; ребенок – взрослый; материальное – нематериальное; правополушарное – левополушарное; логика – чувство и т.д. Любой результат интеллектуальной деятельности может быть использован как во Благо, так и во Зло [6].
- **закон троичности** или мультипликативной троичности, который определяет содержание всех эволюционных, революционных и технологических процессов, включая интеллектуальные, духовные, социальные, научные и прочие. Фундаментальные свойства идеи (осознаваемость, формализуемость, материализуемость) являются базовыми индикаторами закона троичности. На троичности нами сформулированы и опубликованы законы СТИ о состоятельности и иерархии научных знаний, использующих индикативность фундаментальных свойств идей.

Доказывая состоятельность интеллектуальной природы и выведение её в разряд фунда-

ментальных знаний, отметим ряд существенных моментов:

Во-первых, самого человека можно достаточно четко измерять по трем-четырем группам параметров. Как минимум, он трёхмерен: а) биопараметры; б) социопараметры и в) интеллектопараметры. Также в качестве четвертого измерения можно мерить² его нравственные качества.

Во-вторых, все субъекты общества, подобно человеку, могут измеряться по тем же базовым параметрам, включая свои дополнительные, специфические. Например, на основании трёх базовых свойств идей (осознаваемость, формализуемость, материализуемость) мы создали методологию асимметричного моделирования управляемых субъектов (АМЦУС), благодаря которой выделили базовые функции интеллектуальной собственности, человека, предприятия (бизнеса), государства и международного института интеллектуальной собственности как тактического и стратегического распределителя всех мировых благ, которые также опубликованы и широко известны.

В-третьих, институт интеллектуальной собственности нами выделен как социоинтеллектуальный организм, который растёт и развивается независимо от воли тех или иных лиц, деятелей, правительств, народов. **Институт интеллектуальной собственности – это один из ведущих и глобальных организмов интеллектуальной природы, который постоянно развивается и совершенствуется.** Его влияние постоянно расширяется и охватывает все сферы жизнедеятельности человека и общества. Прогноз его развития нам позволил выделить интеллектуальную природу как третий вид природы и фундаментальную основу человеческого общества.

В-четвертых, как мы давно убедились, в интеллектуальной природе существует своя достаточно чёткая логика двоичности – троичности (на основе законов двоичности, троичности), которая нами воспринимается как язык природы, причем не только интеллектуальной. Понимание этого языка дает возможность измерять базовые процессы, ценности, функции, качества субъектов общества, а также отдельные его феномены, например, права, деньги, бизнес. Этот язык позволяет создавать весьма устойчивые во времени, фактически не стареющие мето-

дики и системы измерения ценностей интеллектуальной природы.

В-пятых, все эти знания позволяют нам достаточно чётко выстраивать стратегию развития всех наиболее важных функционалов государства. Так нами в рамках программы ВОИС (WIPO) уже в 2000 году были сделаны доклады об управлении интеллектуальной собственностью на разных иерархических уровнях, включая государство. Затем в 2007 году ВОИС начала разработку методики стратегического управления интеллектуальной собственностью на национальном уровне. В 2010 году ВОИС распространила эту методику во многих государствах. В 2011 году институт СОИС дал развернутые комментарии по этой методике, а в 2012 году выступил инициатором этой работы. В рамках Комитета по интеллектуальной собственности ТПП РФ автор данной статьи вместе с Вице-президентом ТПП РФ Захаровым А.В. разработал и опубликовал концепцию стратегии интеллектуальной собственности в РФ. Затем эта концепция обсуждалась на комитете и в других комитетах ТПП РФ, после её одобрения, она была разослана во все министерства, ведомства и госкорпорации, где также была одобрена. После чего руководство ТПП РФ направило данную концепцию в Совет Федерации, где она также была одобрена и рекомендована Правительству для реализации.

Сегодня Совет Федерации возглавил данную работу, создав Рабочую группу по разработке государственной стратегии интеллектуальной собственности. Руководителем группы является Первый заместитель Председателя Совета Федерации РФ Косоуров В.С. Автор этой статьи вошёл в состав данной группы и надеется, что на этот раз разработка государственной стратегии интеллектуальной собственности будет успешной.

В-шестых, разработка «Современной теории идей», публикация её истории и оценка перспектив её развития убедили нас в том, что именно интеллектуальная природа, а не человеческая и не религиозная являются сутью третьей природы. В первой части СТИ [6] мы показали, что красной нитью развития цивилизации является Теория идей, которая существовала во все исторические времена, но издавалась под разными похожими названиями и была адаптирована к своему времени. Её история уходит вглубь веков, по мнению Бертрона Рассела, который вслед за Пифагором, Платоном, Декартом, Локком, Юмом, Лейбницем, Кантом, Гегелем и Тра-

² В институте СОИС есть методология и методики измерения ценностного ресурса, капитала и потенциала человека.

си разработал свой вариант, названный «Человеческое познание».

Француз де Траси свою теорию назвал «Идеологией», которая дала вспышку расцвета культуры во Франции, принявшей первый государственный закон по интеллектуальной собственности вместе с США. Подъем науки, культуры и промышленности вселило дух победителя в Наполеона, который с освободительной и интеллектуальной миссией начал завоевательные войны в Европе и России. Гегель, продолжая разработки Канта, пишет на эту тему свой труд «Наука логики», где даёт базовые формы мировых идей, называя себя последним философом цивилизации. Его идеи активизируют мировую науку и дух германской нации, названную Гегелем самой великой и интеллектуальной, превосходящей все другие. Идеология Гегеля и соответствующая политическая обстановка в Германии, её экономические проблемы при наличии огромного числа великих ученых и деятелей искусства породили Гитлера с его вульгарным мышлением циника, наметившего программу завоевания мира и культивировавшего евгенизм в худшем варианте.

В-седьмых, системный потенциал русского языка. Российские корни теории идей с национальными особенностями произрастают, во-первых, от Ломоносова М.В., обучавшегося в Германии у профессора Вольфа, ученика, друга и единомышленника Лейбница. Он удивительным образом усвоил уроки Вольфа и на практике реализовал эти идеи, написав своё «Краткое руководство к риторике, на пользу любителям красноречия» (1747), где в качестве базы обучения были представлены шестнадцать типов идей двоично-троично понимаемых и воспроизводимых. Именно этот труд, моментально раскупаемый в Москве и Санкт-Петербурге, создал основу нового русского языка и породил гроздь гениев в литературе, живописи, науке, музыке, инженерном деле.

Задумки реализовать теорию идей как всеобщую реорганизационную науку были у Богданова А.А., труды которого стали фундаментом «Всеобщей теории системы» Бергаланфи, кибернетики Норберта Винера и Росса Эшби и информатики Клода Шеннона. СССР все семьдесят лет развивался, по сути, по планам и идеям Богданова, которого Ленин обвинил в идеализме, поповщине и исключил из партии как претендента на общую идеологию социализма и прямого политического конкурента.

Особенности русского языка, заложенного Ломоносовым, позволили россиянам сделать самые масштабные открытия цивилизации:

- › система базовых природных элементов Д.И.Менделеева;
- › система сфероидов и ноосферы Земли В.И.Вернадского;
- › гелеоэнергетика Чижевского;
- › космология Циолковского, Цандера, Королева;
- › радио инженера Попова А.С.;
- › телевидение Зворыкина;
- › атомная энергетика и первая водородная бомба Курчатова И.В., Харитона Ю.Б., Сахарова А.Д.

Мы надеемся, что «Современная теория идей» со временем продолжит этот список научных достижений России во благо цивилизации. Тем научные гипотезы и ценны, что они либо подтверждаются временем, либо не подтверждаются.

8. Современное естественное право

Естественное право аксиоматично, как было сказано. Оно устанавливает, по существу, лишь базовые принципы полноценной жизнедеятельности Человека в Обществе и в условиях Государства, которые отражают разные иерархические формы интеллектуальной природы.

Человек с его естественными природными правами является главной единицей и условием возникновения, функционирования и развития Общества и Государства, которые без него ничто.

Описывая механизм восходящего развития человеческого рода или, в нашей трактовке, развитие интеллектуальной природы, Иммануил Кант выделил три основных звена [20, стр. 87-95]:

- › стремление каждой личности и общества в целом к величайшей свободе;
- › наличие постоянного антагонизма между всеми членами Общества, как следствие первого звена;
- › «замысел природы» как её «требования» самым точным образом определять и сохранять границы свободы.

Таким образом Кант излагает «природный замысел» создания и реализации в интеллектуальной природе правовых механизмов, регулирующих границы свобод. В связи с этим отметим, что главным качеством Человека, по наше-

му мнению, является **чувство меры** как тонкий регулятор внутренней свободы. Именно чувство меры позволяет человеку оптимально самореализовываться, не нанося вреда окружающим, не угнетая, а развивая интеллектуальную природу.

Основными благами интеллектуальной природы, в соответствии с триадой ценностей, изложенных в СТИ, являются:

- › природные ресурсы, исчерпаемые материальные блага;
- › собственные формальные ценности: права и деньги на праве собственности и доверительного управления;
- › интеллектуальная собственность как продукт собственной интеллектуальной деятельности, развивающий и продвигающий личность в обществе.

Основными целями жизнедеятельности человека и общества являются обеспечение собственных:

- › безопасности;
- › комфорта;
- › самовыражения;
- › самосохранения.

Эти цели являются базовыми как для каждого человека, так и для Общества, то есть для интеллектуальной природы в целом. Эти цели генетически заложены во всех биоорганизмах и все социальные субъекты подразумевают то же самое.

Отсюда следует возможность доказательно выделить в Обществе элиту по принципу альтруистичности. Человек обычный от представителя элиты Общества отличается высокой мерой эгоизма в соответствии с базовыми целями. Элитарная личность отличается от остальных высокой мерой альтруизма и минимумом эгоизма, необходимого для самосохранения себя в работоспособном состоянии. Здесь эгоизм характеризуется безразличием к базовым целям общества, всей интеллектуальной природы. Альтруизм характеризуется, прежде всего, временным ресурсом самореализации на благо всего общества и, разумеется, результатами самореализации, достижениями. Высшими образцами элиты общества являются известные личности, почитаемые во всех религиях, святые в каждой конфессии, герои государств и гении, сотворившие блага интеллектуальной природы, не претендуя изначально на какие-то стимулы, награды, почести, а скорее создавшие блага вопреки антагонизму, недоверию и подозрительности сильных мира сего.

Именно к таким результатам собственной творческой альтруистической деятельности сле-

дует отнести труды Анатолия Владимировича Птушенко, не надевшегося при жизни на достойную их оценку и, тем более, какой-то материальной выгоды, гонимый.

Внимательно читая его совершенно оригинальное и весьма глубокое по осмысленности «Правоведение», мы можем констатировать, что он создал учебник «Современного естественного права», где изложил свою талантливую позицию на то, как выстраивать правовой фундамент на закономерностях интеллектуальной природы. Им выведенные некоторые аксиомы естественного права излагаем ниже.

9. Правовые максимы А.В.Птушенко

Право – подсистема Культуры, непосредственно формирующая и контролирующая деятельность человека как социально ответственной и законопослушной личности и определяющая все запреты и ограничения, налагаемые Обществом на своё государство.

Право представляет собой систему взаимосвязанных идей, максим, норм и принципов, определяющих формирование законов. Оно содержится в научных трудах, исторически накопленных Обществом в процессе его развития. Поэтому у «позитивистов» нет никаких оснований признавать правом лишь то, что содержится в «освященных» государством сиюминутных поделках: Общество вечно, государство – сиюминутно.

Закон – следствие Права. Не вытекающий из Права закон – противоправный закон; он признаётся неправозаконным, а, следовательно, ничтожным.

Для ясности и удобства чтения приведём здесь же дефиниции входящих в настоящие определения терминов.

Культура – исторически изменяющаяся системообразующая функциональная подсистема Общества, формирующая человека как социально активную и законопослушную личность и удовлетворяющая его духовные потребности – путём производства, хранения, распределения и потребления духовных ценностей.

Культура – системный базис права. Какова Культура, таково и Право. При советской власти считалось, что человека формирует КПСС. На самом деле это функция Культуры.

Конечно, в формировании человека участвуют и другие подсистемы Общества – «мате-

риальное» (правильнее – вещественное) производство, подсистема общественных отношений, система физического воспроизводства населения; однако для них это – попутная и случайная задача. Для Культуры же формирование человека – единственная цель и оправдание её существования.

Духовная ценность – результат творчества, поднимающий человечество или личность на новый уровень понимания мироустройства или эмоционального восприятия себя самого и своего окружения.

Понимание мироустройства – это мировоззрение; восприятие себя и окружения – мироощущение.

Творчеством признаётся процесс, в результате которого из известных реалий создаётся нечто объективно новое или обнаруживаются ранее не известные реалии.

Сформулируем наше отношение к Обществу и государству.

Общество – система, организующая на некоей территории разумных и целенаправленных особей в интересах обеспечения их жизнедеятельности, направленной на достижение определённых духовных, экологических и вещественных идеалов.

Государство – подсистема Общества, координирующая функционирование всех остальных подсистем и организующая все необходимые Обществу знаковые и вещественные потоки, – методами и в жёстких рамках правил, установленных Обществом.

Правовое государство – законодательно признающее себя и гражданина равнозначными субъектами Права. **Гражданское Общество – высшая стадия развития демократического общества, при которой правовое государство полностью подчинено Обществу, и интересы государства состоят в защите интересов личности и Общества.**

Забегая вперёд, приведём здесь же дефиницию понятия «система».

Система – совокупность элементов, объединённых в цельную структуру прямыми и обратными связями, определяющими свойства системы, выходящие за рамки простой суммы свойств составляющих её элементов.

Главные объекты Правоведения:

- › Рациональная структура права
- › Гражданское общество
- › Самоуправление
- › Правовое государство
- › Экологические корни права

- › Рациональная конституция
- › Интеллектуальное право
- › Проблема дефиниции собственности
- › Проблема дефиниции юридического лица
- › Культура как системный базис права
- › Проблемы информациологического права

10. Возрождение Академии

За 916 лет существования Платоновская Академия дала миру около сотни гениев, известных и поныне. Платоновская Теория идей как интеграционное начало всех научных дисциплин обеспечивала выявление и применение законов и закономерностей, общих для человека и природы. Академия давала интеграционное междисциплинарное понимание природы, человека и общества. Права человека, природы и общества выявлялись и описывались в рамках естественного права.

Физическая ликвидация Платоновской Академии и уничтожение её исследовательских фондов и традиций разрушили научную и образовательную системы понимания и изучения единой картины мира. Эта катастрофа на тысячу лет приостановила воспроизводство гениев в Европе, вплоть до эпохи Возрождения. Во многом возрождение началось силами Марсилио Фичино, восстановившего, как он мог, платоновскую Академию при финансировании Козимо Медичи. Но единая картина мира восстановлена не была. Общие законы природы, человека и общества изучаться и воспроизводиться не стали.

Интересно, что семь самых ярких ученых из Платоновской Академии в Византии были объявлены персонами нон-грата и, по просьбе царя Персии, переехали в его Академию, созданную по аналогии с платоновской. В итоге вспышка гениев началась на Востоке. По датам это хорошо прослеживается. Платоновские интеллектуальные технологии попали на Восток и там возродили около 30 известных миру гениев Востока.

Поэтому, изучая мировой опыт, Российскую Академию наук (РАН) следует реформировать на принципах:

- › возрождения в науке междисциплинарных подходов и позиций;
- › выделения исследований по интеллектуальной природе в рамках самостоятельного отделения, которое сегодня тяготеет к проблемам глобализации, что не вполне правильно и весьма туманно;

- › налаживания тесных связей между различными отделениями Академии для обеспечения совместной продуктивной научной деятельности и общих результатов;
- › обеспечения измерения, строгого учета и продвижения научных результатов и достижений РАН;
- › развития эффективных форм интеграции с изобретательским сообществом и высокотехнологичными отраслями и предприятиями.

Нынешняя проблема состояния РАН, как и любой другой современной организационной формы долгосрочного функционирования, состоит в том, что подобных принципов в Российской Академии, в отличие от платоновской, никогда не было и потому произошло со временем естественное смещение ценностей, распад общих интересов и ослабление результативности. Академии требуется периодическая актуализация по целям, задачам, функциям и механизмам их реализации. Но стабилизатором ценности Академии должны быть её принципы. В быстро развивающемся мире происходит спонтанное многоцелевое неконтролируемое и, чаще всего, хаотичное воспроизводство самой разнообразной информации и, соответственно, новых знаний, которые находятся обычно в хаотичном бессистемном состоянии. Поэтому проблема дефицита системных знаний и системного использования информации во всех сферах человеческой деятельности становится центральной цивилизационной проблемой. Дезинтеграция науки выгодна отдельным хорошо оплачиваемым ученым как форма безответственности. А интеграция науки необходима лидерам науки и бизнеса, стране, экономике и умному правительству.

Поэтому предложим **цели функционирования РАН.**

Академия по-новому должна быть сориентирована на пять нижестоящих целей:

- а) обеспечение общей систематизации знаний во всех сферах, то есть, то, что ранее делали Д.И.Менделеев, А.А.Богданов, В.И.Вернадский;
- б) системное воспроизводство научных открытий и, соответственно, гениев, поиск и привлечение талантов. Самопроизвольно такие результаты не возникают, их следует организовывать;
- в) зарождение, воспроизводство, распространение и поддержка научных школ в разных направлениях. Такие зарождения сегодня происходят вяло, редко и самопроизвольно.

Здесь требуется поддержка РАН и государства;

- г) ориентация на инновации и интенсификацию инновационной экономики.
- д) текущая экспертиза перспективных идей и наиболее ответственных разработок, предлагаемых для государственной поддержки и долгосрочного инвестирования.

Каждая цель, как направление с заранее определенным результатом, имеет свои устойчивые механизмы их реализации. РАН, таким образом, становится общеинтеграционным научным органом, не подменяющим ни одну научную организацию. Здесь важно отметить, что ни одна современная научная организация в мировой практике не в состоянии была ставить подобные важнейшие стратегические общегосударственные цели и эффективно их решать. В этом смысл реформирования РАН, а также актуализация целей, задач и механизмов их реализации.

Заключение

Пессимизм большинства российских и зарубежных юристов относительно одного из самых древних разделов юриспруденции – естественного права – сегодня должен смениться на оптимистичное ожидание революционных изменений в юриспруденции. Есть все разумные основания для возрождения естественного права в его Правах, когда-то задуманных Платоном. Разумеется, многие базовые положения нового научно обновленного естественного права, из которого должна проистекать логика построения всех разделов юридической науки, здесь не была изложена. Но фрагменты, опубликованные в статье, должны, по нашему мнению, настроить чиновников и ученых на то, что декларируемые нами ожидания весьма прагматичны и реальны. Все зависит от наших лидеров и их поддержки научной, административной и экономической. Нужна воля разумных государственных деятелей, чтобы это важнейшее для России и мировой науки решение было принято, запланировано и реализовано. В этом должны участвовать не только академики РАН, но и Совет Федерации, Госдума и Правительство России.

Автор надеется на интерес к данной теме, в том числе и молодых специалистов, решивших провести ценные исследования и написать замечательную диссертацию.

Литература

1. Философия права : Учебник/Под ред. О.Г.Данильяна. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2013.
2. Птушенко А.В. Правоведение для юристов : Учебник для юридических вузов. М.: РИН-ФО, 2012.
3. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е доп. и перераб./Под ред. М.Ю.Тихомирова. М.: 2002.
4. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2002.
5. Идрис К. Интеллектуальная собственность – мощный инструмент экономического роста. – Женева, ВОИС, Роспатент, 2005.
6. Леонтьев Б.Б. Современная теория идей: Методологические основы инновационной экономики : Часть I / Б.Б. Леонтьев. – М.: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2010.
7. Лисеев И.К. Системная познавательная модель и современная наука //Системный подход в современной науке – М.: Прогресс – Традиция, 2004.
8. Леонтьев Б.Б. Закон иерархии системообразующих знаний // Вестник интеллектуальной собственности №5, 2011, стр. 3-4.
9. Леонтьев Б.Б. Закон иерархии научных знаний // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность, № 2, 2012, стр. 13 – 20
10. Леонтьев Б.Б. Закон, принципы и критерии состоятельности продуктов интеллектуальной деятельности //Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. №4, 2011.
11. Большая Российская энциклопедия. Том 9. – М.: Изд. БРЭ.
12. Современный философский словарь/Под ред. д.ф.н., проф. В.Е.Кемерова. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Академич.Проект, 2004.
13. Поппер К. Логика научного исследования: пер. с англ. (К. Поппер) – М.: АСТ, Астрель, 2010.
14. Рево В.В. Энциклопедия системных знаний. – М.: Фолиум, 2006.
15. Jan Christiaan Smuts. Holism and Evolution. London: Macmillan, 1926.
16. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Межд. ин-т А. Богданова – М.: Финансы, 2003.
17. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов//Системные исследования. Ежегодник. М.1969.
18. Винер Н. Кибернетика. М.: Наука, 1958.
19. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 830 с.
20. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Том 1. – М.: 1999.

Роговая Анастасия Владимировна
кандидат социологических наук, г. Москва
e-mail: av_rogovaya@mail.ru

О взаимодействии правоохранительных органов и гражданского общества в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма (экспертное мнение)

В статье анализируются и обобщаются результаты экспертного опроса по проблеме взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества в идеологическом противодействии экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: *идеология экстремизма и терроризма, правоохранительные органы, эффективность противодействия.*

Устойчивая тенденция распространения в последнее время в российском обществе экстремистских настроений, связанных с заметным возрастанием роли и значения религиозной составляющей общественного сознания населения в национальных республиках, неадекватным отражением национального вопроса, миграционными факторами, требует пристального внимания со стороны как законодателя, так и правоохранительных органов. Однако отсутствие контроля со стороны государственных структур за деятельностью экстремистских, религиозных течений и неопределенность места и роли правоохранительных органов в системе мер по противодействию экстремизму и терроризму затрудняют задачу противодействия экстремистской деятельности [1].

Представляется, что системная организация противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма должна строиться на основе программного взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб, общественных и религиозных организаций, научных сообществ, СМИ под эгидой федеральных и региональных органов государственной власти и местного самоуправления. При этом координационная роль здесь принадлежит Националь-

ному антитеррористическому комитету (далее – НАК) и региональным антитеррористическим комиссиям, а также и Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму во взаимодействии с федеральными и региональными органами власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.

Для определения степени участия представителей правоохранительных органов и институтов гражданского общества в противодействии распространению экстремистской и террористической идеологии представляет интерес результаты экспертного опроса, проведенного Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН в июне 2012г. в рамках проекта «Реакция российского общества на терроризм» (руководители д.соц.н., профессор Маркин В.В., д.соц.н. Шульга М.М.) Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического региона в условиях роста напряженности» с участием автора. Был проведен опрос 129 экспертов, среди которых – представители органов государственного и муниципального управления, правоохранительных органов, представители СМИ, научных, общественных и религиозных

организаций, молодежных объединений Республик Дагестан, Татарстан и Башкортостан, Московской области.

Согласно данным экспертного опроса, как таковой систематической идеологической работы как государственными органами власти, правоохранительными органами, так и институтами гражданского общества не ведется. Эффективность идеологического противодействия экстремизму и терроризму органами власти эксперты оценивают (по 10-балльной шкале): в Республике Дагестан средний балл – 3,73; в Республике Татарстан – 4,1; в Республике Башкортостан – 4,97, в Московской области – 4,3).

В многонациональных республиках таких как Республика Дагестан, Республика Татарстан, Республика Башкортостан это связано со все большей разобщенностью на внутриконфессиональном уровне, этнократизацией управления, что во многом провоцирует обострение отношений между мусульманами, рост сторонников экстремистских религиозных течений – приверженцев так называемого нетрадиционного ислама – ваххабизма, их активизацию в противодействие правоохранительным органам.

Как правило, государственные и правоохранительные органы действуют и реагируют. Вопрос, насколько это эффективно. Малоэффективность и формализованность мероприятий идеологического противодействия экстремизму и терроризму, отсутствие борьбы государства с причинами появления и целями самих экстремистов и террористов, которые они преследуют, традиционная закрытость правоохранительных органов и силовое решение ими проблем, по мнению экспертов, не позволяют в полной мере противостоять распространению идеологии экстремизма и терроризма.

Наряду с полиэтническими регионами все чаще наблюдается рост экстремистских настроений, особенно среди молодежи, в Москве, а также Московской области. Это связано, по мнению экспертов, с ростом недовольства из-за игнорирования федеральных и муниципальных властей проблем неконтролируемой незаконной миграции и связанные с ней проявления (рост преступлений, наркомания, культура общения, языковой барьер в детских садах и школах и др.), «недопонимание руководителями (особенно коммерческих организаций) террористических угроз», «полная открытость (незащищенность) целого ряда объектов для терактов», наличием мест массового скопления людей, важных объектов жизнеобеспечения,

что впоследствии может повлечь огромные потери среди населения.

Если правоохранительные органы обязаны реагировать на преступления экстремистского характера, то органам местного самоуправления отводилась роль субъекта, противодействующего экстремизму на стадии, когда оснований для привлечения к уголовной ответственности еще нет [2]. Поскольку органы местного самоуправления наиболее приближены к населению, вполне разумным будет требовать от них развития системы профилактической работы по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма. Данной работой занимаются в основном районные антитеррористические комиссии в рамках указаний НАК, при взаимодействии с главами населения, территориальными правоохранительными органами. Как отмечают эксперты, в крупных городах и муниципальных районах приняты программы по противодействию экстремизму и терроризму, проводится работа с руководителями организаций, главы городских и сельских поселений осуществляют профилактическую и разъяснительную работу по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма с активом поселений и гражданами (на сходах жителей), в том числе посредством СМИ. Однако отсутствие должного финансового сопровождения идеологического противодействия и организационных возможностей органов местного самоуправления только усредняет параметры борьбы с экстремизмом и терроризмом. Некоторые эксперты отмечают также «сильно коррумпированный местный чиновничий аппарат», «влияние религиозных организаций (в том числе и нетрадиционных)», «это также связано с безопасностью должностных лиц, отвечающих за это направление. Есть примеры, где в наиболее сложных районах убивали служащий, курирующий это направление (Республика Дагестан)».

Важнейшей формой взаимодействия органов власти, правоохранительных органов и общественных организаций в работе с населением, направленной на противодействие идеологии экстремизма и терроризма, выступает «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», получившая правовое закрепление на федеральном и региональном уровне.

Согласно существующим нормативным правовым документам всем государственным органам власти, в том числе муниципальным, предписана борьба с экстремизмом и терроризмом, однако в большинстве случаев, по мнению экспертов, законодательство применяется для защи-

ты власти от протеста населения. Как отмечают эксперты, данная «Концепция хорошая, однако исполнение слабое», поскольку «государственная власть и правовые формы «живут» отдельной жизнью», присутствует формальность, отчетность документации, «все делается для галочки».

Мнения большинства экспертов Республики Башкортостан свидетельствуют об использовании силовыми структурами «мер в основном запретительного характера», «законодательные нормы в регионе традиционно исполняются в части карательных структур». Как отмечает эксперт Республики Дагестан, «все законодательные акты направлены на поддержку суфизма, для расчистки им конфессионального поля, а под видом противодействия экстремизму стараются гасить протестные настроения». Достаточное внимание в Республике Татарстан уделяется неотвратимости наказания за преступления террористического и экстремистского характера, «используются закрепленные в законодательстве нормы и принципы противодействия экстремистской и террористической деятельности, в практической деятельности по привлечению к ответственности». При этом «государство в Татарстане не хочет иногда использовать эти принципы, руководствуясь тем, что лучше идти на уступки религиозным экстремистам, чтобы их «не дразнить» лишний раз».

Эксперты Московской области отмечают пассивность ответственных лиц государственных органов власти и «нежелание власти принимать проблему так остро, как она проявляет себя в мире». Мероприятия в рамках полномочий проводятся «в случаях возникновения отдельных проявлений на территории России», при этом «власть не привлекает общественные организации, а порой даже конфликтует с ними», также «недостаточно ведется работа с религиозными лидерами».

При этом многие эксперты указывают, что большинство представителей органов государственной власти с данной Концепцией не знакомы, «знают зачастую на уровне деклараций, простого повторения положений», «не учитывается необходимость ограждения зарубежного влияния, в том числе и влияния зарубежного религиозного образования и необходимость отказа от него».

Важным условием эффективности в противодействии распространения идеологии экстремизма и терроризма является налаженное взаимодействие субъектов противодействия с правоохранительными органами и спецслужбами.

В целом экспертные оценки показали определенную эффективность деятельности орга-

нов внутренних дел в регионах (в среднем по 10-балльной шкале Башкортостан – 5,87 баллов, Дагестан – 4,14; Татарстан – 4,7; Московская область – 4,16).

Однако в правоохранительных органах, по мнению экспертов, имеются правовые и организационные проблемы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма. Исполнение обязанностей МВД как председательствующего органа в межведомственной организации по борьбе с экстремизмом, является не столь эффективным, что связано с «применением силового решения», «низким уровнем профессиональной подготовки сотрудников», «отсутствием теоретических знаний по идеологии экстремизма и терроризма», «координации и работы на опережение», «недостатка сил и средств». Некоторые эксперты отмечают, что «это не их профиль», «кроме Центра по противодействию экстремизму (ЦПЭ), эффективность которого снижена недостатком компетенции и методологии».

Особенно низкая эффективность правоохранительных органов экспертами отмечается в Республике Дагестан: «из-за закрытости и грубости», «они пытаются вверенными им полномочиями бороться с этим злом, теряя при этом в своих рядах молодых сотрудников». Мероприятия приобретают характер боевых операций, а не правоохранительных акций: «подозреваемые нейтрализуются (в основном), а не задерживаются», часто «правоохранители допускают отступление от закона, выступают в роли мстителей».

Экспертами отмечается отсутствие сильных сетей экстремистских организаций в Башкирии, правоохранительные органы в оперативной работе достаточно эффективны, «в частности силовые структуры проводят операции по устранению субъектов экстремизма, которые транслируются по СМИ». Однако некоторые эксперты отмечают, что вместо настоящей деятельности правоохранительные органы «занимаются «показушной» борьбой с экстремистами, на самом деле являющимися уголовниками», «а жесткие акции (аресты, обыски) вызывают непонимание у населения, сочувствие к обвиняемым», при этом «имеет место неосведомленность некоторых отдельных работников, и, как следствие, предвзятое отношение к исламу».

В Республике Татарстан, как отмечают эксперты, основная работа Центра противодействия экстремизму в МВД на местах заключается в борьбе с гражданскими активистами, молодежными субкультурами, футбольными фанатами, ина-

комыслящими, «в то же время появлялась информация, что силовые органы не раз вмешивались в религиозные конфликты в районах республики – конфликт прекращался, но, возможно, опять лишь замораживался». «О центре по противодействию по экстремизму слышно только в связи с их «курированием» деятельности оппозиции», «в свободное от этих занятий время они порой ловят исламских фундаменталистов, ваххабитов и других реальных преступников», «пытаются противодействовать исключительно мирной гражданской активности (например, убеждали не ходить на митинги за честные выборы), и абсолютное большинство списка людей, интересовавших Центр Э в начале этого года (список стал известным), составляют гражданские активисты».

Идеологическим противодействием экстремизму и терроризму органы МВД Московской области практически не занимаются, из-за отсутствия зафиксированных терактов, «может быть на уровне подсобного аппарата, но это не афишируется». Эксперты отмечают «отрицательный фактор реформы МВД по централизации сил и средств в крупных городах с уменьшением числа сотрудников в малонаселенных пунктах – количество оперработников должно соответствовать не только по количеству жителей, но должен учитывать и фактор площади обслуживаемой территории», «их борьба сводится только к предупредительно-профилактической работе», «нет на выходе уголовных дел», «практика стоит на месте».

Эксперты отмечают оперативность и активность органов ФСБ России (оценка эффективности в среднем по 10-балльной шкале Башкортостан – 6,24; Дагестан – 5,13; Татарстан – 6,00; Московская область – 5,56), хотя их деятельность сложно оценить в силу ее закрытости для широкой общественности, «их вклад не афишируется», «информация о ней весьма ограничена, хотя борьба с экстремизмом и терроризмом – это одна из главных ее функций».

При этом эксперты отмечают некоторые недостатки в работе ФСБ. В Республике Башкортостан «эффективность снижена недостатком методологического сопровождения работы (ориентация на конкретные организованные группы) и некоторой ангажированностью». Эксперты Республики Дагестан отмечают «слабую агентурную сеть», органы ФСБ «не борются со стереотипами о спецслужбах, тем самым увеличивая протестное отношение в свой адрес», «ФСБ вместе с радикалами прессингует и умеренных, когда их надо привлекать на свою сторону».

Эксперты отмечают слабую деятельность органов прокуратуры (оценка эффективности в среднем по 10-балльной шкале Башкортостан – 4,78; Дагестан – 3,00; Татарстан – 4,69; Московская область – 3,48), и Следственного комитета РФ (Башкортостан – 5,14; Дагестан – 3,55; Татарстан – 3,44; Московская область – 3,75), в идеологической работе, обеспечении законности в борьбе с экстремизмом и терроризмом, указывая на «ограничения юридического и коррупционного характера», «низкий уровень профессионализма следователей», «органы Следственного комитета занимаются расследованием преступлений экстремистского характера, но больше физическими, чем идеологическими средствами».

Работа органов прокуратуры, по мнению экспертов Республики Башкортостан, «заключается в проведении проверок в части поиска экстремизма в любой бумаге». В работе Следственного комитета Республики Дагестан эксперты отмечают крайне низкую раскрываемость терактов, указывая на «несвоевременное обеспечение (процессуальное) результатов оперативно-розыскной деятельности», «нарушение законодательства, в т.ч. со стороны некоторых СМИ, оправдывающих терроризм, остаются без должного реагирования для общественности», «не всегда дела доводятся до логического конца», часто «обвиняемые не получают должное наказание в суде, а иногда и уходят от ответственности, будучи оправданы». «Создание структуры активировала работу органов по противодействию экстремизму и терроризму, но не срабатывает один из способствующих этим явлениям фактор борьбы с коррупцией».

По мнению экспертов Республики Татарстан, «надзорный орган реагирует не на все явление, указывающие на признаки экстремистской деятельности», «в основном – производятся предупреждения», «часто выносятся религиозным экстремистам малые сроки, незаслуженно», Следственный комитет «следует поставить под контроль прокуратуры и общественности».

В Московской области имеются первые попытки возбуждения уголовного дела экстремистской направленности. Однако в работе органов прокуратуры, как отмечают эксперты, «имеются большие сомнения» в силу их закрытости и «надзорной позиции».

В адрес Прокуратуры и Следственного комитета эксперты высказывали предложения по доведению дел до конца и особенно информированию о результатах следственных действий по громким делам при передаче их в суд, а также

судебным решениям, о необходимости применения жесткой позиции в оценке деяний агитаторов экстремизма, конкретных фактов и влияния. Минюсту России необходима тщательность и последовательность работы при регистрации деятельности деконструктивных сект и прочих сомнительных организаций («основываясь не только лишь на уставе, который в большинстве случаев не соответствует истинной деятельности»).

Вместе с тем в экспертных оценках была указана низкая эффективность идеологической работы по антиэкстремистской и антитеррористической тематике органов Федеральной миграционной службы, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной таможенной службы, которые также имеют прямое отношение к профилактике террористических акций и соответственно к идеологическому противодействию.

Таким образом, эксперты указали на необходимость значительно усилить идеологическую роль правоохранительных органов, эффективность взаимодействия между различными правоохранительными органами по противодействию экстремизму и терроризму (координация деятельности СК с оперативными службами МВД и ФСБ), открытость их деятельности в данном направлении (естественно в рамках возможного, во всяком случае, должны быть усилены пресс-службы и службы связи с общественностью). Решающую роль в противодействии идеологии экстремизма и терроризма в

регионах могут играть общественные, религиозные и этнокультурные организации создающие площадку для диалога общества при условии взаимодействия с муниципальной антитеррористической комиссией и правоохранительными органами.

Поскольку система информационного противодействия экстремизму и терроризму только создается, необходимо выстроить единую систему коммуникационного обеспечения государственных, муниципальных органов и институтов гражданского общества, укрепить сотрудничество с представителями общественных и религиозных организаций, СМИ, учреждений образования, культуры и искусства, наладить специальную подготовку сотрудников правоохранительных органов и представителей институтов гражданского общества по идеологическому воздействию антиэкстремистской и антитеррористической направленности на различные группы населения.

Литература

1. Яворский М.А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир, 2008, №11. С.24
2. Сальников Е.В. Органы местного самоуправления как субъект противодействия экстремизму // Государственная власть и местное самоуправление, 2006, №6. С.39.

Модернизация нотариата Российской Федерации и конкуренция в нотариальной деятельности

Статья посвящена возможным актуальным направлениям развития нотариата и нотариальной профессии в современной России. Автору представляется, что такое развитие должно быть разнонаправленным и включать в себя как технические и информационные инновации, так и комплексное изменение отношения к профессии нотариуса и в обществе, и в профессиональном юридическом сообществе.

Ключевые слова: *нотариат, развитие и конкуренция в российском нотариате.*

На сегодняшний день институт нотариата в России не без оснований претендует на расширение функционала и укрепление роли в обществе.

При этом как среди профессионального сообщества, так и в обществе в целом постоянно ведутся дискуссии относительно развития института нотариата, расширения его полномочий, укрепления доверия к нотариусам со стороны граждан и организаций.

Представляется, что развитие может быть осуществлено по нескольким направлениям как материально-правового, так и «процессуально-го» характера.

Одним из важных элементов развития нотариата является обеспечение доступности нотариальных услуг и развитие конкуренции в нотариальной профессии.

Конкуренция, разумеется, не означает рыночной конкуренции в понимании антимонопольного законодательства [1] и ФАС России, поскольку нотариальная деятельность не является по сути своей предпринимательской, и эта позиция сегодня находит понимание в законодательной инициативе Государственной Думы [2].

Развитие конкуренции означает обеспечение населения качественной юридической помощью, гарантированной не только размером страховых взносов нотариуса и региональных нотариальных палат, но и уровнем профессионального развития каждого конкретного нотариуса,

а также его помощников. Кроме того, принципиально важен экономический аспект – стабильность и обоснованность тарифов, возможность получения квалифицированной нотариальной правовой помощи всеми слоями населения.

Именно такой подход позволит российскому нотариату выполнить функцию, возложенную на государство ст.48 Конституции РФ, качественно обеспечив минимальные гарантии имущественных прав граждан, что в свою очередь могло бы быть основой для расширения функций нотариусов, в том числе и в сфере оборота недвижимого имущества [3].

С одной стороны нотариат, несомненно, выполняет публично-правовую функцию, связанную с превентивной бесспорной и досудебной защитой имущественных и личных неимущественных прав граждан. В этом принципиальное отличие нотариата от адвокатуры, публичная функция которой заключена в предоставлении юридической помощи и доступа к правосудию, но не связана с осуществлением юридически значимых действий от имени государства.

Кроме того, в России в настоящее время статус адвоката обязателен лишь при осуществлении представительства в уголовном судопроизводстве. В сфере гражданских правовых отношений и на рынке оказания консультационных услуг в указанной сфере услуги адвоката скорее исключение, чем правило. Сам рынок юридиче-

ских услуг и особенно юридических консультантов, не имеющих статуса адвоката, весьма разнообразны и практически никак не контролируются с позиций качества оказываемых услуг.

Самоорганизация и структура нотариата предполагают наличие и доступность нотариусов, возможность обращения в нотариальную контору в нотариальном округе по месту проживания или заключения сделок.

Однако, в отличие от суда, который также выполняет публичную функцию, осуществляя отправление правосудия, нотариусы, по сути, на внедоговорной основе в рамках делегированной государством функции все же оказывают населению и юридическим лицам *услуги правового характера*.

Представляется, что услуги эти, несомненно, требуют квалифицированной профессиональной подготовки и должны быть оказаны в конкурентной среде. В то же время, сегодня в России отсутствуют централизованные институты обучения и повышения квалификации как будущих, так и действующих нотариусов аналогичные, например, французской Нотариальной школе, действующей в Париже.

Тем не менее, доступ к нотариальной профессии как в действующем законодательстве, так и в проекте федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в РФ» четко структурирован по стадиям и срокам, что позволяет говорить о более тщательной подготовке нотариусов, чем, например, адвокатов и даже судей.

Внутреннее законодательное регулирование, способствующее развитию российского нотариата, можно условно разделить на материально-правовые и процессуальные изменения, поскольку нотариальная деятельность представляет собой строго формализованную процедуру.

1. Материально-правовой аспект это, в первую очередь, модернизация законодательства о нотариате и совершенствование гражданского законодательства. В качестве основных направлений следует назвать:
 - › доступность нотариальных услуг и обеспечение населения нотариальными конторами, в том числе и бесперебойными нотариальными конторами по аналогии с существующими в Петербурге.
 - › укрепление репутационного аспекта в деятельности нотариуса, т.е. обращение граждан именно к «своему» нотариусу, уровень доверия к профессиональным качествам которого априори очень высок.
2. Процессуальный аспект

- › особая доказательственная сила и общеобязательность нотариальных актов в гражданском и арбитражном процессе и правоприменительной практике. Указанное положение сегодня содержится в тексте проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», который должен быть принят до конца текущего года [2].
- › Обеспечение полноценного и всестороннего доступа нотариусов к информационным и документальным ресурсам – архивам, реестрам и базам данных, связанных с объектами нотариальных действий. Это могут быть как информационные источники внутри сообщества, так и сведения, предоставляемые другими органами и организациями (в первую очередь, ЕГРП и ЕГРЮЛ), и, как немаловажная перспектива, доступ к базам данных Федеральной миграционной службы в совокупности с информационным блоком органов ЗАГС.
- › возможность и готовность российского нотариального сообщества работать со сделками, связанными с оборотом недвижимого имущества, включая полный комплекс правовых услуг по указанным сделкам, в том числе, возможно, функции налогового агента по сделкам граждан с недвижимостью;
- › увеличение роли нотариуса как консультанта по сделкам, не требующим нотариального удостоверения, а также роли российского нотариата в исполнительном производстве.
- › внедрение новых и развитие существующих правовых инструментов, таких, как исполнительная надпись нотариуса, соглашение между кредитором и должником об исполнении судебного решения, вовлечение нотариусов в медиативные процедуры, принятие денег в депозит нотариуса, что позволит в большей степени реализовать один из принципов латинского нотариата по предотвращению споров между людьми.
- › повышение квалификации российских нотариусов и лиц, претендующих в перспективе на должность нотариуса путем создания специального центра обучения нотариата.
- › активное развитие электронного документооборота между нотариусами, использование электронных баз данных нотариальных действий и нотариально удостоверенных документов, связанных с оборотом имущества, а также электронной цифровой подписи нотариуса (пилотные проекты такого рода уже

действуют в ряде нотариальных округов России, например, в Санкт-Петербурге).

Однако не только конкуренция в рамках национального законодательства и правоприменительной практики может усилить позиции нотариата как правозащитного и правоприменительного института.

В сфере международно-правового регулирования нотариальной деятельности и наследственных прав присоединение и участие России в некоторых международных инструментах представляется весьма важным особенно в сфере обеспечения и защиты наследственных прав граждан, на которые нотариат в известной степени обладает монопольными полномочиями. Например, в ближайшее время можно было бы обеспечить участие России в следующих структурах:

1. Членство России в Международном союзе нотариата и взаимодействие с нотариальными органами иностранных государств.
2. Присоединение России к международным конвенциям по международному частному праву в сфере нотариальной деятельности:
 - а. Конвенция о форме завещания (1970, Вашингтон). СССР присоединился к указанной Конвенции с оговоркой.
 - б. Присоединение России к Гаагской Конвенции 1961 года «О коллизии законов, касающихся формы завещательного распоряжения» позволило бы российским нотариусам использовать многие широко трактуемые положения Конвенции относительно места его совершения и принципа благоприятствования наследодателю.
 Указанный инструмент, предусматривающий широкое применение национальных за-

конов в сфере наследования и определения легитимности завещательных распоряжений позволил бы свести к минимуму недействительность завещательных распоряжений, при этом не ставя признание действительными завещательных распоряжений в зависимость от применения принципа взаимности.

Очевидно, что институту нотариата в России есть куда и как расти, что латинский нотариат в России может как по функционалу, так и по роли в обществе, равно как и по статусу в юридическом сообществе приблизиться к тому положению, которое профессия нотариуса занимает во Франции и в Швейцарии. Однако, столь же очевидно, что для такого рода качественных изменений не достаточно (хотя это и необходимо) лишь реализации давно назревших законодательных инициатив, связанных с принятием долгожданного закона о нотариате.

Литература

1. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе М., ИНФОТРОПИК МЕДИА, 2012, 222 с.
2. С текстом одного из последних законопроектов ГД в сфере нотариата можно ознакомиться по адресу: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/DCC1002C436B772343257B84005B0458/\\$FILE/293340-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/DCC1002C436B772343257B84005B0458/$FILE/293340-6.PDF?OpenElement)
3. Весьма интересную точку зрения высказал по этому вопросу М.З. Шварц. См.: http://zakon.ru/Discussions/segodnya_my_sbity_s_tolku_i_eto_oshhushhenie_rastet_den_otodnya/7055

Савичев Алексей Аркадьевич

г. Москва

e-mail: ucx7801@mail.ru

Проблемы взаимодействия органов городского самоуправления с органами полиции в системе управления города Москвы в результате реализации городской реформы 1870 года

Статья посвящена главным вопросам взаимоотношений органов городского самоуправления с полицией в системе управления города Москвы в соответствии с Городовым положением 1870 года. Оценивается роль контроля со стороны полиции за органами городского самоуправления в эволюции самоуправления в городах России во второй половине XIX века на примере города Москвы.

Ключевые слова: городская реформа, городское самоуправление, городское хозяйство, органы городского самоуправления, полиция.

К середине XIX столетия в России в условиях ускоренного капиталистического развития произошли значительные изменения в социально-экономической сфере, заключавшиеся, в том числе, в резком росте численности городского населения. Тем не менее, несмотря на актуализировавшиеся процессы капитализации в Российской империи, к началу реализации реформ преобладал сельский цивилизационный тип. Однако уже к концу XIX века на долю населения городов приходилось 17% от общей численности жителей России [1]. Во многом этому способствовало осуществление городской реформы 1870 г. В общем для эволюции системы органов городского самоуправления города Москвы во второй половине XIX века особое значение имели три ключевых законодательных акта:

1. «Положение об общественном управлении Москвы» 1862 года;
2. «Городовое положение 1870 года»;
3. «Городовое положение 1892 года».

В основу городской реформы 1870 года было положено Городовое положение, принятое в том же году. Общественные отношения в сфере деятельности органов городского самоуправления стали регулироваться новым Городовым положением, которое было введено во всех городах Российской империи, в том числе, и в Мо-

скве. Данное положение отменило так называемый сословный принцип и в основу городских выборов был положен имущественный ценз, выражавшийся в участии избирателей в платежах городских сборов.

Особое положение Москвы подтверждалось выделением ее из состава губернии и наличием исключительного статуса – градоначальства, то есть усилением местной администрации в полицейском отношении [2].

В общем виде схему управления, сложившуюся в городе в тот период и действовавшую фактически до 27 февраля 1917 года, условно можно разделить на три основных звена:

1. Административно-полицейское управление. В его состав входили: генерал-губернатор, губернатор, губернское правление, обер-полицмейстер (возглавлял столичную полицию) и градоначальник, а также служба городской полиции.
2. Городское общественное управление, куда, по сути, входили органы городского самоуправления: Московская городская дума и Московская городская управа.
3. Управление различных ведомств, включавшее в себя органы Министерства двора, Военного министерства, Министерства народного просвещения, Министерства финансов,

Министерства путей сообщения, Министерства юстиции и др.[3]

Ведущая роль в данной схеме принадлежала административно-полицейским органам. Во главе управления стоял генерал-губернатор. Данный факт во многом объясняется тем, что во второй половине XIX столетия, как было отмечено выше, ускорился темп роста населения городов России, в том числе, Москвы. Осуществление эффективного и стабильного управления столь крупной административно-территориальной единицей без усиленного контроля со стороны органов и должностных лиц государства было бы крайне затруднительным при отсутствии большого опыта самоуправления.

Что касается компетенции органов городского самоуправления, то она в соответствии с Городовым положением 1870 года была ограничена решением различного рода вопросов хозяйственного значения, в том числе, благоустройства города. Здесь можно перечислить такие меры, как: по обеспечению населения продовольствием, по обеспечению пожарной безопасности, развитию местной торговли и промышленности, заботы о «народном здравии», народном образовании. Рассмотрение каких бы то ни было ключевых экономических, а также политических вопросов в Думе было не допустимо.

Следует подчеркнуть, что в тот период с органами полиции (наделенными соответствующими силовыми полномочиями для обеспечения безопасности и общественного порядка в городе) согласовывалась значительная часть решений по вопросам управления городским хозяйством. Так, Московская городская дума наделалась правом издавать обязательные постановления по тем или иным вопросам городского благоустройства. Но при этом было необходимо согласование этих постановлений с полицией [4]. Другой пример – выдача разрешений городской управой на устройство общественных бань, заведений для газового освещения, отвод мест на площадках и улицах для постановки подвижных ларей. Эти разрешения должны были согласовываться с обер-полицмейстером. Кроме того, полиция осуществляла содействие муниципальным властям в очистке рек, устранении с улиц льда в зимний период и т.д.

Эффективное решение самых различных вопросов городского хозяйства в Москве в значительной степени стало зависеть от организации взаимодействия органов городского самоуправления и полиции. По сути, органы административно-полицейского управления

осуществляли контроль за нормотворческой деятельностью Московской городской думы с одной стороны, а также контроль за исполнением постановлений последней – с другой. Контроль исполнения конкретных правовых актов подкреплялся наличием у полиции соответствующих силовых функций.

В «Ведомостях московской городской полиции» регулярно размещались объявления о заседаниях думы. Кроме того, в указанном периодическом издании публиковались списки избирателей, а также те обязательные постановления Московской городской Думы, следить за надлежащим и правильным исполнением которых вменялась обязанность служащим органов полиции [5].

Одним из наиболее ярких свидетельств зависимости решения вопросов городского хозяйства от органов административно-полицейского управления является практика управления городом, введенная в действие в 1881 г. «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г. существенно изменило схему полицейского управления, а соответственно, и схему управления городом в целом. Столица стала делиться на отделения, части и участки, вместо прежнего деления на кварталы. В прямом подчинении обер-полицмейстера оказалось 40 участковых приставов, а должности частных приставов были упразднены [6]. Разделение Москвы на полицейские участки в результате реформы 1881 года сказалось на функционировании выборных структур. Участковый принцип был положен и в основу деятельности городских архитекторов, а также санитарных попечительств о бедных [7]. По сути, территориальная организация города была основана на территориальном делении органов полиции.

Так или иначе, решение абсолютного большинства проблем благоустройства города не обходилось без участия органов и должностных лиц административно-полицейского управления.

В целом функционирование органов полиции в системе управления городом в рассматриваемый исторический период можно условно разделить на три направления:

1. Обеспечение безопасности и общественного порядка.
2. Помощь органам городского самоуправления в решении определенных вопросов городского хозяйства.
3. Контроль за принятием и реализацией правовых актов органов городского самоуправления.

Первое из указанных направлений выступает базовым для органов полицейского управления. Оно, по сути, вытекает из их сущности. Однако, два других направления сопряжены с деятельностью, которая напрямую не связана с обеспечением безопасности и общественного порядка в городе. Они в большей степени характеризуют систему взаимоотношений полиции с органами московского городского самоуправления во второй половине XIX века.

На практике проблемы взаимодействия общественного управления и полиции имели весьма распространенный характер. Так, на тот период времени законом органам полиции вменялась прямая обязанность оказывать содействие по сбору налогов. Тем не менее, случаи отказов в такой поддержке были нередки. Контроль за правильным исполнением обязательных постановлений городской думы на деле также осуществлялся далеко не всегда. Зачастую невысок был и уровень эффективности деятельности полиции по реализации ею своих первичных функций по обеспечению безопасности и общественного порядка в городе (например, отмечались факты незаконных действий служащих полиции в отношении городских жителей; неспособность наружной полиции защитить жителей от произвола хулиганов, воров и т.д.). При этом город тратил огромные средства на содержание органов полицейского управления и не имел никакой возможности контроля за их действиями, в том числе, за расходованием указанных средств. В сложившихся условиях городские думы, в частности, московская направляли в правительство вполне обоснованные ходатайства о передаче полицейских управлений городу.

Столичные органы городского самоуправления были обременены значительными расходами на полицию и при этом были лишены какой бы то ни было возможности не только контролировать ее деятельность, но даже влиять на кадровый состав [8].

Городская реформа в общем не дала необходимого результата в виде создания эффективной системы взаимодействия этих органов. Система управления городом нуждалась в их совместном функционировании в решении хозяйственно-экономических вопросов. Однако, обобщив результаты исследований по данному вопросу, можно сделать вывод о том, практика взаимоотношений московского городского самоуправления с органами административно-полицейского управления была во многом противоречивой.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Органы административно-полицейского управления, осуществляя тесное взаимодействие с органами городского самоуправления города Москвы, занимали доминирующее положение в системе управления городом.
2. Административно-территориальное деление города, имевшее значение для решения тех или иных вопросов городского хозяйства, базировалось на административно-территориальной организации органов полиции.
3. Контроль решения тех или иных вопросов городского хозяйства со стороны органов полиции носил сложный двухступенчатый характер: а) контроль на стадии принятия постановлений Московской городской думы (требовалось согласование этих постановлений с органами полиции); б) контроль за исполнением постановлений Московской городской думы.
4. В системе управления города Москвы органы административно-полицейского управления имели во многом нечеткую, «расплывчатую» компетенцию: с одной стороны, они выполняли задачи по обеспечению безопасности и общественного порядка в городе, т.е. были органами специальной компетенции, а с другой – осуществляли общий контроль за законностью деятельности органов городского самоуправления, выступая уже в качестве органов общей компетенции.
5. В целом, всеобъемлющий контроль органов административно-полицейского управления за деятельностью органов городского самоуправления оказывал сдерживающее, «тормозящее» воздействие на процесс развития самоуправления в городах, в частности, в Москве. Сдерживал развитие самоуправления и тот факт, что нередко имели место плохая организация полиции, отсутствие необходимого ее взаимодействия с органами городского самоуправления в решении определенных хозяйственных вопросов, в частности, когда требовалось применение соответствующих силовых функций, которые изначально принадлежали служащим полиции. С другой стороны, нельзя недооценивать эффективность взаимодействия между первыми и вторыми, за счет чего зачастую решались важные вопросы городского благоустройства и развития.
6. Другим фактором, снижавшим уровень эффективности деятельности органов город-

ского самоуправления города Москвы, выступала своего рода финансовая зависимость от полиции. Город тратил значительные средства городского бюджета на ее содержание во многом в ущерб решению непосредственных вопросов городского развития и благоустройства.

7. Наличие усиленного контроля за деятельностью органов городского самоуправления со стороны органов государства в лице органов административно-полицейского управления в целом можно объяснить тем, что более или менее устойчивое управление такой крупной административно-территориальной единицей, как Москва, было затруднительным без такого контроля. Городское самоуправление сочеталось с повышенной ролью органов административно-полицейского управления в управлении городом ввиду не только быстрого роста населения Москвы во второй половине XIX века, но и также в силу отсутствия у государства должного опыта в сфере самоуправления отдельными административно-территориальными единицами.

Литература

1. Семенов А.К., Медведева Г.А. Городское самоуправление в дореволюционной России: Учебное пособие. – Липецк: ЛЭГИ, 2004. – 68 с. С.16-17.
2. Виноградов В.Ю. Московское городское самоуправление: генезис, развитие, основные черты. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. – 228 с. С.70.
3. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта. Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. / М.: СВАРОГ и К, 1998, 232 с. С.11.
4. Виноградов В.Ю. Московское городское самоуправление: генезис, развитие, основные черты. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. – 228 с. С.72, 76.
5. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта. Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. / М.: СВАРОГ и К, 1998, 232 с. С. 16, 18-19.
6. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта. Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. / М.: СВАРОГ и К, 1998, 232 с. С.15.
7. Городское управление и самоуправление в России: эволюция столичного опыта. Бакушев В.В., Ивановский В.А., Молчанова Л.А. / М.: СВАРОГ и К, 1998, 232 с. С.24.
8. Виноградов В.Ю. Московское городское самоуправление: генезис, развитие, основные черты. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. – 228 с. С.55, 74-76.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор
Д.А.Пашенцев

Сухаренко Александр Николаевич

г. Владивосток

e-mail: sukharenko@mail.ru

Проблемы противодействия коррупции в системе государственных закупок

Дается обзор состояния коррупции в сфере государственных закупок, практики борьбы с ней и существующих законодательных мер по ее минимизации. Кроме того, приводится краткий анализ нового закона о создании в России федеральной контрактной системы.

Ключевые слова: коррупция, государственные закупки, риск.

Состояние и тенденции коррупции в сфере государственных заказов

Реализация социально-инфраструктурных проектов развития России напрямую зависит от целевого использования бюджетных средств. Приоритетами современной госполитики являются такие важные направления, обеспечивающие социально-экономические гарантии благополучия граждан и национальную безопасность, как здравоохранение, дорожное строительство, обороноспособность страны, жилищно-коммунальное хозяйство.

В 2010 году Президент России в своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ заявил о необходимости внесения изменений в законодательство о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, об обеспечении гласности и прозрачности размещения заказов, предотвращении коррупции в данной сфере.

В 2012 году аудиторы Счетной палаты РФ выявили нарушения в системе государственных закупок на общую сумму в 130 млрд. рублей и это при том, что было проверено лишь 10% заказчиков. Между тем, еще в ноябре 2012 года глава Счетной палаты России С. Степашин заявил, что ежегодно из бюджета, выделяемого на

государственные закупки, похищается 1 трлн. руб., т.е. почти 20% от общего объема закупок или 1/14 всего консолидированного бюджета РФ [1].

Результаты прокурорских проверок указывают на стабильно высокую степень криминализации закупочных отношений. Только за последние два года в данной сфере было выявлено свыше 83 тыс. нарушений, возбуждено 343 уголовных дела, в суды направлены 442 дела, по большинству из которых уже состоялись обвинительные приговоры [2].

Как показывает практика, особенно часто выявляются факты хищения денежных средств и заключения контрактов по завышенным ценам путем применения различных схем, включая сговоры участников и использование фирм-однодневок. Значительным остается количество нарушений, связанных с завышением стоимости и объемов выполненных работ. С целью ухода от проведения конкурсных процедур применяется искусственное дробление заказов на стадии исполнения контрактов, нарушаются сроки выполнения работ либо существенно изменяются условия заключенных контрактов. Также распространены случаи приемки выполненных работ на основании фиктивных документов и нарушения при информационном обеспечении размещения заказа [3].

Несмотря на принимаемые государством меры, уровень прозрачности закупочных процедур остался на среднем уровне оценки. Согласно Национальному рейтингу прозрачности закупок, в 2012 году потери от государственных закупок по завышенным ценам оценивались в 275 млрд. руб., что на 4,1% меньше прошлогоднего показателя (без учета инфляции). При этом уровень завышения цен по госсектору в целом составил 6,3%.

Динамика уровня завышения цен в федеральном сегменте за последние годы демонстрирует медленное, но последовательное снижение: с 10% в 2009 году до 8,5% в 2012 году. Однако это гораздо больше, чем в регионах (4,2%) и муниципалитетах (5,5%). Этот позитивный тренд связан с распространением электронных аукционов, создавших конкуренцию среди участников по ценовому критерию в пределах спецификации предмета закупки (рис. 1) [4].

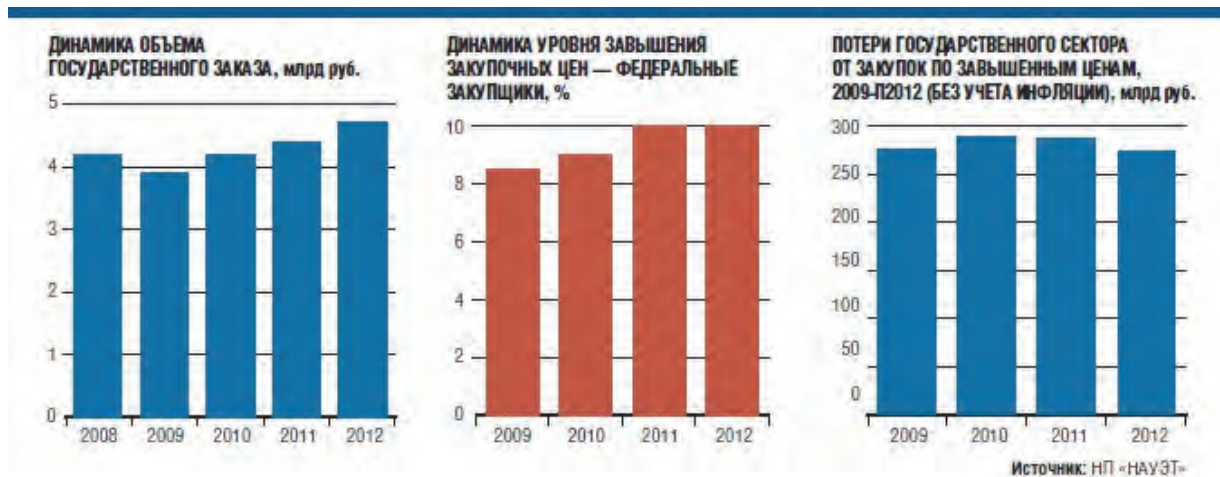

Рис. 1 Динамика объема госзаказа за 2009–2012 гг.

О распространенности коррупции в сфере закупок свидетельствуют также результаты соцпросов. По данным рекрутингового портала «SuperJob.ru» за 2010 год, 73% менеджеров по продажам и 69% менеджеров пожаловались на высокий уровень коррупции в сфере государственных закупок. Средним уровнем коррупции назвали 12% менеджеры по закупкам и 13% менеджеры по закупкам. Лишь по 1% специалистов заявили о низком уровне коррупции в этой сфере. Еще 18% менеджеров по продажам и 13% менеджеров по закупкам затруднились с ответом [5].

Правовая регламентация государственного заказа

За минувшие со дня вступления в силу Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» годы были достигнуты весьма позитивные результаты. По данным ФАС, в 2011 году совокупная экономия консолидированного бюджета РФ при государственных закупках составила 316 млрд. руб., а суммарно за последние 6 лет – 1,4 трлн. руб., экономия на конкурсах – 9,7%, аукционах – 12,6%.

Среднее количество поданных заявок на конкурсах составляет 1,8 заявок, а на аукционах – 2,5. На электронных площадках зарегистрировано более 170 тыс. компаний. Электронную цифровую подпись получило более 700 тыс. государственных заказчиков и предпринимателей [6].

Основным недостатком ФЗ-94 является отказ от приоритета квалификационного отбора в пользу минимальной цены заявки – в п.4 ст. 28 ФЗ-94 приоритет отдается ценовому критерию, а не качеству товара, срокам поставок или выполнения работ. Такой порядок имеет негативные последствия. Во-первых, порождается такое явление, как демпинг, от которого страдают не только поставщики услуг, но и заказчики, вынужденные покупать дешевый товар не лучшего качества. Во-вторых, приоритет цены плохо сказывается на профессиональном уровне тех, кто предоставляет услуги и выполняет работы, ведь для большинства видов закупок, перечисленных в квалификационных критериях, не может превышать 20%. В 2012 году 83 тыс. контрактов были заключены по цене на 50% ниже начальной.

Помимо этого, ФЗ-94 не позволяет избавиться от коррупционных рисков из-за того, что государственные закупки проводятся без долгосрочного плана. В результате до объявления закупки нельзя оценить ее необходимость и обо-

снованность объявленной цены, следовательно, предотвратить возможные злоупотребления. Кроме того, появляется возможность заранее предупредить о предстоящих закупках аффилированные чиновникам компании, чтобы те лучше подготовились к участию в конкурсе. Остальные поставщики и подрядчики узнают о закупке только в момент ее объявления и зачастую не имеют достаточного времени на подготовку. Сейчас около 39% государственных закупок (2,8 трлн. руб. в год) осуществляется у единого поставщика, т.е. вне конкуренции. Самая низкая конкуренция – по контрактам на сумму более 1 млрд. руб. В среднем в торгах здесь участвует всего 2,14 участника [7].

8 апреля 2013 года был подписан Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который придет на смену ФЗ-94. Вступающий в силу с 1 января 2014 года закон затронет 500 тысяч компаний-поставщиков, 200 тысяч государственных заказчиков и контракты на сумму около 7 трлн. рублей в год. Для реализации Закона предстоит принять 67 нормативно-правовых актов за три года.

Особенности контрактной системы

Согласно ФЗ-44, планирование закупок осуществляется заказчиками посредством формирования, утверждения и ведения планов закупок и планов-графиков. Планы закупок содержат следующую информацию: о назначении закупок, наименованиях объектов закупок и их описание, а также объемах закупаемых товаров, объемах финансового обеспечения для осуществления закупок, сроках (периодичности) осуществления планируемых закупок, обосновании закупок и др.

Планы закупок формируются на срок действия закона о федеральном бюджете и о бюджетах внебюджетных фондов РФ, законов о региональном и местном бюджетах. План закупок формируется государственным или муниципальным заказчиком в процессе составления и рассмотрения проектов соответствующих бюджетов. Нынешняя система предусматривает закупки только на 3- 6 месяцев, максимум – один год.

Планы-графики содержат перечень закупок товаров, работ, услуг государственных нужд на финансовый год и являются основанием для осуществления закупок. Они формируются заказчиками в соответствии с планами закупок. В

план-график включается в отношении каждой закупки следующая информация: наименование и описание объекта закупки с указанием его характеристик; количество поставляемого товара, планируемые сроки (периодичность) поставки товара, начальная (максимальная) цена контракта, цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком; способ определения поставщика; срок (дата начала) процедуры закупки и др. План-график разрабатывается на один год.

Установлено пять методов определения заказчиком начальной (максимальной) цены контракта: нормативный, тарифный, проектно-сметный, затратный, метод сопоставимых рыночных цен. Осуществление закупок производится заказчиками с использованием конкурентных способов определения поставщиков или путём закупки у единственного поставщика. Конкурентными способами являются конкурсы (открытый, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный, закрытый, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный), аукционы (электронный и закрытый), запрос котировок и предложений. При наличии у двух и более заказчиков потребности в одних и тех же товарах и работах такие заказчики вправе проводить совместные конкурсы или аукционы. Контракт с победителем совместного конкурса (аукциона) заключается каждым заказчиком.

По общему правилу, заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов малого бизнеса, социально ориентированных НКО в размере не менее чем 15% совокупного годового объёма закупок, предусмотренного планом-графиком. При этом начальная (максимальная) цена контракта не должна превышать 20 млн. руб.

Цена заключаемого контракта, по общему правилу, является твёрдой и определяется на весь срок исполнения контракта. Изменение условий контракта не допускается. Если контракт заключается на срок более трех лет и цена контракта составляет более чем 100 млн. руб., контракт должен включать в себя график исполнения контракта. В случаях, установленных законом, заказчик может заключить с поставщиком контракт в устной форме в порядке, предусмотренном ГК РФ.

Контракт может быть признан судом недействительным, если руководитель заказчика, член комиссии по осуществлению закупок состоят в браке с руководителями поставщика, являются близкими родственниками и если установлена личная заинтересованность должностных лиц заказчика в заключении контракта. Если

при проведении конкурса или аукциона начальная (максимальная) цена контракта составляет более чем 15 млн. руб. и участником закупки, с которым заключается контракт, предложена цена контракта на 25% и более ниже начальной (максимальной) цены, контракт заключается только после предоставления им обеспечения исполнения контракта в размере, превышающем в 1,5 раза размер обеспечения, указанный в документации о проведении конкурса или аукциона, но не менее чем в размере аванса.

Заказчики, совокупный годовой объём закупок которых в соответствии с планом-графиком превышает 100 млн. руб., создают у себя контрактные службы.

Общественный контроль за государственными закупками

Переход на контрактную систему должен обеспечить прозрачность государственных закупок и дать дополнительные возможности для контроля. Речь идет об общественном контроле, в рамках которого граждане и организации вправе проводить независимый мониторинг, оценивать эффективность и процедуру закупок, а также результаты исполнения контрактов. Согласно ФЗ-44, Правительство РФ будет устанавливать случаи проведения обязательного общественного обсуждения закупок, по результатам которого могут быть внесены соответствующие изменения в документацию о закупке или она может быть отменена. Так, обязательное предварительное общественное обсуждение должны пройти государственные закупки свыше 1 млрд. рублей. Обсуждение может проводиться на региональном и муниципальном уровнях.

Сейчас процедура общественного обсуждения проходит в два этапа: на первом идет обсуждение закупки на сайте (самый демократичный пласт, чтобы привлечь максимальное число желающих), после которого формируется протокол и направляется в ФАС и публикуется на официальном сайте. На втором этапе заказчик проводит очное обсуждение со всеми заинтересованными лицами и по его итогам может принять одно из двух решений: о продолжении торгов или внесении в документацию о торгах изменений (такой прецедент уже был).

Между тем активность общественности в данной сфере пока невелика. Так, в октябре 2012 года Минэкономразвития РФ обнародовало отчет об общественном обсуждении сверхдорогих

государственных закупок – свыше 1 млрд. руб. Изначально пожелание такого краудсорсинга было высказано В.В. Путиным в период предвыборной компании. Согласно отчету, с августа по сентябрь на официальном сайте zakupki.gov.ru было размещено 73 подходящих контракта. Несмотря на то, что этот инструмент уже заработал (12 марта на www.zakupki.gov.ru стартовала пилотная система общественного обсуждения, а на главной странице вывешен список всех контрактов свыше 1 млрд. руб. со ссылками на соответствующие разделы форума), он не нашел отклика у населения. Среднее количество обращений по той или иной закупке – 0, а максимальное – 5. При этом анкеты общественного обсуждения вообще никто не заполнил, а соответствующие темы форума пользователи смотрели в среднем от 5 до 700 раз. Вместе с тем общая стоимость сверхдорогих контрактов превысила 170 млрд. руб. (в основном это строения или реконструкция автодорог), а средняя цена контракта – 2,3 млрд. руб. Всего с 1 января 2012 года на сайте было опубликовано более 180 государственных закупок с ценой свыше 1 млрд. руб [8].

Согласно мартовскому исследованию Национальной ассоциации институтов закупок (НАИЗ), как минимум половина государственных закупок свыше 1 млрд. руб. проводится в обход конкурентных процедур. Среди наиболее популярных уловок заказчиков – установка в проекте контракта незаконного требования о выполнении работы исключительно собственными силами, без привлечения субподрядчиков (ч. 4 ст. 11 ФЗ «О государственных закупках») [8].

Для информационного обеспечения контрактной системы будет создана единая информационная система, которая содержит: планы закупок, планы-графики, а также информацию об их реализации; информацию о закупках и об исполнении контрактов; реестр контрактов, заключённых заказчиками, реестр недобросовестных поставщиков; реестр жалоб, плановых и внеплановых проверок и их результатов; результаты мониторинга закупок, аудита в сфере закупок, а также контроля в сфере закупок и т.д. Информация должна публиковаться на официальном сайте. Между участниками контрактной системы допускается обмен электронными документами, в том числе подача заявок, окончательных предложений на участие в определении поставщика, все документы должны быть подписаны усиленной электронной подписью. Сейчас на сайте закупок (zakupki.gov.ru) вывешиваются только сведения о совершаемых или уже завершённых сделках.

Одним из требований системы станет максимально формализованный формат данных, в частности, использование каталогов. В результате невозможно будет выбрать «неправильный» код товара, ввести в текст латинские буквы или пробелы, что затрудняет поиск тендерной документации. В 2012 году замена русских букв на латинские имела место в документации по 2,4 тыс. торгов на общую сумму 9 млрд. руб. Благодаря информационной системе должна появиться возможность сравнивать цены (в перспективе – вплоть до зарубежных рынков) [9].

Минэкономразвития России обещает обеспечить доступ к информации из единой информационной системы в открытом, машиночитаемом формате. Это позволит независимым разработчикам и аналитикам скачивать все необходимые им данные и вести анализ, выделять типологию наиболее распространенных отклонений на рынке госзаказа.

Меры уголовной ответственности

В июне 2013 года на рассмотрение в Госдуму России поступил очередной законопроект, ужесточающий ответственность за коррупционные преступления. Разработчики законопроекта предлагают дополнить Уголовный кодекс РФ новой статьей, устанавливающей наказание за хищение средств из бюджета, государственных внебюджетных фондов и госкорпораций. Независимо от способа хищения преступнику грозят принудительные работы или лишение свободы на срок до 7 лет со штрафом до 500 тыс. руб. Если же он использовал свое служебное положение, то ему грозит лишение свободы на срок до 12 лет и штраф до 3 млн. руб. Самое строгое наказание предусматривается за хищение средств в особо крупном размере: до 15 лет лишения свободы и штраф до 5 млн. рублей. Сейчас максимальный срок наказания не превышает 10 лет.

Важной новеллой является также возможность запуска механизма контроля за расходами должностного лица, подозреваемого в коррупции, при возбуждении уголовного дела. В рамках контроля за расходами органы прокуратуры проверяют обоснованность его последних крупных трат. В случае обнаружения подозритель-

ных покупок у прокурора есть полномочия инициировать иск об отчуждении такого имущества в судебном порядке [10].

Заключение

Предложенные Законом новации стимулируют рынок, позволяют предпринимателям заблаговременно планировать участие в торгах и готовить более качественные и проработанные предложения по исполнению контрактов, увеличивают количество участников при проведении процедур торгов, повышают дисциплину заказчиков по организации и планированию своей деятельности.

Литература

1. Савина Ю. Кормушка на триллион. // Новые известия. 27.11.2012.
2. РИА «Новости». 27.04.2013.
3. <http://korrossia.ru/rating/2687-korruptionnyy-reyting-goszakupok.html>
4. <http://nrpz.ru/rating-2012.html> Участники рейтинга являются 300 государственных и коммерческих структур. Экспертами были изучены и оценены 79 федеральных органов исполнительной власти, администрации 83 субъектов РФ, 50 крупнейших муниципальных заказчиков РФ, более 100 крупнейших субъектов № 223-ФЗ и более 70 крупнейших частных компаний.
5. <http://www.superjob.ru/community/gosslugba/46856/>
6. <http://ria.ru/interview/20120216/567301412-print.html>
7. Воронина Ю. По откату – молотком. // Рос. газета. 09.04.2013.
8. Литвинова А. Миллиарды на государственные закупки разошлись незаметно. // газета РБК-Daily. 10.10.2012.
9. <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=300329>
10. Петров И. У проворовавшихся чиновников станут отбирать яхты, автомобили, квартиры. // газета РБК-Daily. 07.06.2013

Рецензент: доктор юридических наук, профессор
Астанин Виктор Викторович

Проблемные вопросы привлечения к административной ответственности за использование не по целевому назначению земельных участков в населенных пунктах

Анализируется законодательство и судебная практика по вопросам использования не по целевому назначению земельных участков, расположенных в границах населенных пунктов; рассмотрены критерии определения правомерности, либо неправомочности использования земельных участков по целевому назначению; сделаны выводы о возможности привлечения лиц, использующих земельные участки не по целевому назначению, к административной ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, использование земельного участка не по целевому назначению.

Частью 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ) установлена административная ответственность за использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и разрешенным использованием или неиспользование земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства, в указанных целях в течение срока, установленного федеральным законом.

Судебная практика применения ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ за использование не по целевому назначению земельных участков в населенных пунктах окончательно не сложилась. Арбитражные суды различных регионов выносят разные решения по одним и тем же вопросам.

Одним из важных вопросов реализации данной статьи КоАП РФ является критерий оценки использования не по целевому назначению земельных участков в населенных пунктах.

Так, в судебных решениях, в которых признается законность привлечения к административной ответственности за использование не по

целевому назначению земель населенных пунктов не анализируется, в чем именно выразилось нецелевое использование земельных участков. В таких решениях суды ограничиваются лишь указанием того, что фактическое использование земельного участка не соответствует установленному для него виду разрешенного использования [2].

Однако в литературе отмечается, что действующим КоАП РФ предусмотрено привлечение к административной ответственности за использование земель не в соответствии с целевым назначением, но не за использование земельных участков не в соответствии с установленным для них разрешенным использованием [3]. Тем самым, обоснованно указывается, что использование земельного участка не в соответствии с установленным для него видом разрешенного использования еще не означает нецелевое использование земельного участка и само по себе не влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

Для определения возможности применения ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ необходимо рассмотреть объективную сторону правонарушения, закрепленную данной статьей.

В судебной практике отмечается, что объективной стороной административного правонарушения, ответственность за совершение которого установлена ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, является, в частности, использование земельного участка не по целевому назначению, что подразумевает осуществление землепользования в нарушение правового режима (установленной категорией земель и разрешенным использованием), определенного компетентным органом [4].

Именно нарушение правового режима использования земель, определенного компетентным органом, может повлечь административную ответственность по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 85 Земельного кодекса Российской Федерации [5] (далее – ЗК РФ) градостроительный регламент территориальной зоны определяет основу правового режима земельных участков, равно как всего, что находится над и под поверхностью земельных участков и используется в процессе застройки и последующей эксплуатации зданий, строений, сооружений.

Таким образом, при определении правового режима использования земельного участка в населенном пункте необходимо руководствоваться градостроительным регламентом, что подтверждается судебной практикой.

Суды применяя данные положения указывают, что согласно ст. 85 ЗК РФ в состав земель населенных пунктов могут входить земельные участки, отнесенные к различным территориальным зонам в соответствии с градостроительным регламентом. Возможность нахождения объекта на спорном земельном участке в соответствии с требованиями градостроительного регламента признается основанием для признания незаконным привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ [6]. Отсутствие же градостроительного регламента в материалах административного дела, либо отсутствие доказательств нарушения градостроительного регламента оценивается как недоказанность использования спорного земельного участка не по целевому назначению [7].

При этом дополнительно делается вывод, что невнесение лицом изменений относительно вида разрешенного использования в документы учета недвижимости и документы о регистрации прав на недвижимость не образует состава правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ [8].

Следует признать указанные выводы судов обоснованными и соответствующими следующим положениям действующего законодательства.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 7 ЗК РФ земли, указанные в пункте 1 ст. 7 ЗК РФ, используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Любой вид разрешенного использования из предусмотренных зонированием территорий видов выбирается самостоятельно, без дополнительных разрешений и процедур согласования.

В силу положений п.п. 1, 3 ст. 85 ЗК РФ в состав земель населенных пунктов могут входить земельные участки, отнесенные в соответствии с градостроительными регламентами к различным территориальным зонам.

Градостроительные регламенты обязательны для исполнения всеми собственниками земельных участков, землепользователями, землевладельцами и арендаторами земельных участков независимо от форм собственности и иных прав на земельные участки.

Указанные лица могут использовать земельные участки в соответствии с любым предусмотренным градостроительным регламентом для каждой территориальной зоны видом разрешенного использования.

Согласно положениям ст. 37 Градостроительного кодекса Российской Федерации [9] (далее – ГрК РФ) в разрешенное использование земельных участков и объектов капитального строительства может быть следующих видов:

- 1) основные виды разрешенного использования;
- 2) условно разрешенные виды использования;
- 3) вспомогательные виды разрешенного использования, допустимые только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляемые совместно с ними.

Основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства правообладателями земельных участков и объектов капитального строительства, за исключением органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий, выбираются самостоятельно без дополнительных разрешений и согласования.

Таким образом, действующим законодательством установлено право на использование земельных участков в соответствии с любым предусмотренным градостроительным регламентом для каждой территориальной зоны видом разрешенного использования. При этом основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства выбираются их правообладателями самостоятельно без дополнительных разрешений и согласования.

В связи с чем, можно прийти к выводу, что действия по фактическому использованию земельного участка не в соответствии с видом разрешенного использования, установленным в правоустанавливающих документах, но в рамках основного или вспомогательного (наряду с основным) вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, предусмотренных градостроительным регламентом, соответствуют установленному компетентным органом правовому режиму использования земельного участка. Эти действия не образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

Вместе с тем, судебная практика не содержит анализа того, какое несоответствие фактического использования участка установленным для него градостроительным регламентом видам разрешенного использования влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

Представляется, что нецелевое использование земельных участков будет иметь место в тех случаях, когда фактическое использование не соответствует установленному виду разрешенного использования и его выбор не может быть произведен в силу действующего законодательства.

Так, запрещен выбор только вспомогательного вида разрешенного использования без выбора основного вида разрешенного использования [10]. Поэтому нецелевым использованием земельного участка будет являться использование земельного участка только по вспомогательному виду разрешенного использования без выбора основного вида разрешенного использования.

Использование земельного участка по условно разрешенному виду использования без приведения в соответствие данных государственного кадастра недвижимости с фактическим использованием также будет являться нецелевым использованием земельного участка, поскольку выбор условно разрешенного вида использования земельного участка требует согласования в порядке ст. 39 ГрК РФ.

Кроме того, нецелевое использование земельного участка также будет иметь место в тех случаях, когда фактическое использование земельного участка не подпадает под виды разрешенного использования, установленные градостроительным регламентом.

Таким образом, действия по фактическому использованию земельного участка не в соответствии с видом разрешенного использования, установленным в правоустанавливающих документах, и в рамках условного или вспомогательного (не наряду с основным) вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, предусмотренных градостроительным регламентом, либо фактическое использование земельного участка не в соответствии видами разрешенного использования, установленными градостроительным регламентом, образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

Еще одним неоднозначно разрешаемым в судебной практике вопросом является возможность привлечения лиц к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ за использование ими не по целевому назначению части помещений в здании.

В одних случаях суды указывают, что использование части помещений в здании не по целевому назначению земельного участка не является основанием для привлечения по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ [11].

Однако следует поддержать иную точку зрения судов, которые указывают, что положения норм, закрепленных в ГрК РФ и ЗК РФ обязывают использовать по целевому назначению весь земельный участок. При этом отсутствуют исключения в виде возможности использования части земельного участка не по целевому назначению. Объективной стороной правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.8 КоАП РФ является использование не по целевому назначению земельного участка как единого объекта, даже если используется не по целевому назначению только часть этого участка. Таким образом, использование земельного участка под объект торговли полностью или частично не влияет на квалификацию правонарушения [12].

Данную позицию судов следует признать обоснованной, т.к. нецелевое использование даже части земельного участка уже нарушает правовой режим использования земельного участка и должно повлечь административную ответственность по рассматриваемой статье КоАП РФ.

При этом необходимо уточнить, что имеются случаи, когда часть помещений в здании используется не в соответствии с видом разрешенного использования земельного участка, однако это не должно повлечь административную ответственность по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ.

Представляется, что для определения правомерности использования по целевому назначению части помещений в здании можно применять правовую позицию, сформулированную Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ: изменение вида разрешенного использования в порядке, предусмотренном ст. 37 ГрК РФ возможно применительно к объекту, имеющему самостоятельное функциональное назначение, который может эксплуатироваться самостоятельно [13].

Именно самостоятельное функциональное назначение объекта, позволяющее использовать его самостоятельно, означает необходимость изменения вида разрешенного использования земельного участка.

Признаком самостоятельного значения объекта является, в частности, удовлетворение нужд неограниченного круга лиц [14], о чем могут свидетельствовать рекламы на фасаде здания. Торговые объекты (магазины, рынки), как правило, имеют самостоятельное значение, поэтому их нахождение в части здания является признаком нецелевого использования земельного участка.

Если же объект не имеет самостоятельного функционального назначения, то это не влечет необходимость изменения вида разрешенного использования и, соответственно, указывает на отсутствие признаков нецелевого использования земельных участков. Например, не будет фактов нецелевого использования земельных участков, предоставленных для размещения зданий театров, в которых располагаются буфеты, либо земельных участков, предоставленных для размещения зданий администраций, в которых находятся столовые. В таких случаях объекты общественного питания носят не самостоятельное, а лишь вспомогательное значение по отношению к основному виду деятельности, осуществляемому в зданиях, и потому не влекут необходимость изменения вида разрешенного использования земельных участков.

Судебная практика складывается в этом направлении. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2011 отмечается, что недоказанность самостоятельного характера объекта, а именно отсутствие до-

казательств по использованию объекта (сауны) неопределенным кругом лиц явилась одним из оснований для признания незаконным постановления о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ [15]. Тем самым подчеркивается, что использование по назначению земельного участка определяется в зависимости от характера находящегося на нем объекта.

На основании изложенного можно сделать вывод, что нахождение самостоятельного объекта в части помещений в здании, расположенном на земельном участке, не отведенном для размещения этого объекта в соответствии с требованиями градостроительного регламента, свидетельствует о нецелевом использовании земельного участка.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 05.04.2013 № 58-ФЗ) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Управления Росреестра по Томской области.
2. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.12.2005 № Ф04-9113/2005 (18027-А70-29); Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2011 по делу № А13-2151/2011; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.01.2011 по делу № А60-30889/2010. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
3. Старова Е.В. Целевое назначение земельных участков, предоставленных для размещения и эксплуатации промышленных объектов: проблемы применения административной ответственности; Баразгова Р.С. Целевое назначение и разрешенное использование земельных участков: содержание и соотношение понятий // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Управления Росреестра по Томской области.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2013 № 09АП-38732/2012. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
5. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 05.04.2013 № 55-ФЗ) // КонсультантПлюс : справ. право-

- вая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Управления Росреестра по Томской области.
6. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.07.2009 № Ф04-4141/2009 (10415-А45-23) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Управления Росреестра по Томской области; Постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.08.2011 по делу № А53-5880/2011, от 16.08.2011 по делу № А53-3581/2011. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
 7. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 02.12.2010 по делу № А65-14490/2010; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.02.2009 по делу № А56-11420/2008; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.03.2006 по делу № А56-20743/2005 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Управления Росреестра по Томской области.
 8. Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2011 по делу № А56-35978/2011, от 06.12.2011 по делу № А56-34796/2011. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
 9. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 05.04.2013 № 43-ФЗ) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2005. Доступ из локальной сети Управления Росреестра по Томской области.
 10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.05.2012 № 12919/11. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
 11. Постановления Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2011 № А08-6350/2010-26; № А08-6443/2010-26; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30.12.2011 по делу № А17-3238/2011. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
 12. Определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 ноября 2012 г. № ВАС-12918/12; от 25 марта 2013 г. № ВАС-71/13; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2012 по делу № А22-348/2012. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
 13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.05.2012 № 12919/11. URL: <http://kad.arbitr.ru>.
 14. Там же.
 15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2011 № 09АП-26978/2011. URL: <http://kad.arbitr.ru>.

Чхутиашвили Лела Васильевна
кандидат экономических наук, доцент, г.Москва
e-mail: lela@email.ru

Роль государства в сокращении коррупции и развитии конкуренции

Статья посвящена роли государства в сокращении коррупции и развитии конкуренции. Успех компании в большинстве случаев определяется не только результатами ее деятельности, низкими издержками, конкурентоспособностью продукции в соответствии с требованиями потребителей, но и установлением нужных связей с должностными лицами, обладающими полномочиями выдавать разрешения на регистрацию предприятий и лицензии. Крупные предприятия приспособились к существующим условиям, научились обходить законы и преодолевать с помощью коррупции возникающие проблемы. Предприятия же малого и среднего бизнеса ощущают недостатки конкурентной среды. В число первоочередных задач сегодня выдвигается институциональная реформа, направленная на формирование современной рыночной инфраструктуры, включая реформирование бюджетной сферы, постепенное снижение административных барьеров, создание системы раскрытия информации о положении на рынках, их участниках, проводимых операциях.

Ключевые слова: государство, коррупция, конкуренция, конкурентоспособность, прибыль.

Свобода предпринимательской деятельности включает в себя в соответствии с Конституцией РФ в качестве составных элементов свободу:

- выбирать род деятельности или занятий, свободу быть предпринимателем;
- передвигаться, выбирать место пребывания и жительства – свободу рынка труда;
- объединения для совместной экономической деятельности – выбора организационно-правовой формы предпринимательской деятельности и образования в уведомительном порядке различных предпринимательских структур;
- иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, свободу владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами;
- договора – заключать гражданско-правовые и иные сделки;
- от незаконной конкуренции;
- заниматься любой предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической

деятельностью в соответствии с принципом «разрешено все, что не запрещено законом».

Согласно рейтингу Мирового банка, Россия незначительно улучшила условия ведения бизнеса и по итогам 2012 г. заняла 166-е место из 183 стран (в 2011 г. – 120-е место, 2010 г. – 123-е место) [1]. Конкурентоспособность российских предприятий во многих случаях определяется не эффективностью производства, не результативностью деятельности хозяйствующих субъектов, не конкурентоспособностью продукции, а крепостью связей предпринимателя с принимающими решения чиновниками.

В конкурентной борьбе используются налоговые органы, прокуратура, государственные и муниципальные органы власти, которые нередко вмешиваются в хозяйственные споры на стороне одной из конфликтующих сторон, создавая неравные условия состязательности. Нелегальное использование конфиденциальной (инсайдерской) информации в целях получения дополнительных прибылей при сделках лишает других участников рынка доступа к ней, создавая для них неравные, практически ущемлен-

ные, условия по сравнению с ее обладателями. Манипулирование ценами, искусственные методы установления стоимости, препятствие привлечению капитала – примеры недобросовестного поведения игроков на рынке. Ненамного улучшило положение в этой области принятие Федерального закона Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неравномерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ряд норм, направленных на совершенствование антимонопольного регулирования и развитие конкуренции, содержится в Федеральном законе Российской Федерации от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Разработана программа развития конкуренции, рассчитанная до 2015 г. В ней предусматривается снижение административных барьеров, борьба с инфраструктурными ограничениями, развитие малого и среднего бизнеса, принятие специальных мер для отраслей.

Однако избыточное вмешательство государства в деятельность предпринимателей, его присутствие в крупных банках и корпорациях мешает развитию конкурентной среды.

Предпринимателям приходится прилагать огромные усилия и тратить время на согласования и разрешения, необходимые для регистрации новых объектов. Введение режима «одного окна» не спасает положение.

Правительственный план приватизации ряда крупных организаций с государственным участием существенно не изменит ситуацию. Несмотря на принимаемые законы и программы, общий уровень конкуренции в России сегодня остается невысоким. Этот вывод подтверждается оценкой ее места в рейтингах международных организаций.

В настоящее время несовершенство института собственности, низкая защищенность прав собственников – одно из труднопреодолимых препятствий на пути формирования конкурентной среды. Ради сохранения собственности хозяйствующие субъекты предпочитают не участвовать в конкурентной борьбе на отечественном рынке, а переводить свои активы в более защищенные виды и формы за рубежом.

Успех компании в большинстве случаев определяется не только результатами ее деятельности, низкими издержками, конкурентоспособностью продукции в соответствии с требованиями потребителей, но и установлением

нужных связей с должностными лицами, обладающими полномочиями выдавать разрешения на регистрацию предприятий и лицензий.

Огромное влияние на конкуренцию оказывает коррупция, повышая инвестиционные риски. Россия находится в числе наиболее коррумпированных стран. По расчетам экспертов «Стратегии-2020», коррупция вместе с бюрократией приводят к дополнительной наценке на продовольствие в размере 15%, на недвижимость – 25-30%. По разным оценкам, предприниматели расходуют от 6 до 10% оборота на подкуп чиновников, в жилищно-строительном комплексе – до 20% конечной стоимости объекта.

Коррупция остается одной из внешних угроз безопасности коммерческих организаций. Коррупция тесно связана с различными формами злоупотребления властью, причем на всех ее уровнях: это и предоставление всякого рода преференций так называемым «приближенным» предпринимателям, и создание внеправовых преимуществ при получении государственных услуг, и многое-многое другое. По сути, речь идет о действиях, приводящих к нарушению равенства прав и самой свободы экономической деятельности, к неисполнению государством обязанности по обеспечению добросовестной конкуренции. Как результат, нарушаются законные права граждан, сковывается нормальное развитие экономики, создаются серьезные барьеры на пути экономического роста.

Причины развития коррупции коренятся в системе управления страной, неадекватности законодательства, слабости механизма государственного и общественного контроля, несправедливом распределении доходов, размытости моральных норм [2, С. 80-95]. При размещении государственных заказов, при выделении различных квот, например, в сфере природопользования, доступ для предпринимателей открывается только благодаря не бескорыстной помощи чиновников.

Высокий уровень коррупции характерен и для сферы государственного управления, и внутри самого бизнеса. Широкое распространение получила практика отъема банками собственности у предпринимателей с использованием инсценировки невыполнения клиентами своих обязательств. Государство борется с коррупцией в стране. Но серьезных успехов пока добиться не удастся. Борьбу с коррупцией поручают ее же субъектам.

До сих пор не ратифицирован п. 20 Конвенции ООН против коррупции, в котором вводится ответственность за незаконное обогащение чиновников и предусматривается право запрашивать информацию о наличии незаконных активов за рубежом.

Применение Кодекса корпоративного поведения помогает защищать интересы инвесторов от мошенничества. Отечественные компании забыли о Кодексе, в котором заложены четыре фундаментальных принципа, определяющих поведение хозяйствующих субъектов на рынках:

- честность в отношении всех держателей акций, права которых должны соблюдаться;
- подотчетность совета директоров и руководства компаний;
- прозрачность, точность и регулярность в отчетности;
- ответственность за интересы акционеров, соблюдение духа и буквы закона.

Роль государства в сокращении масштабов коррупции и развитии конкуренции заключается, прежде всего, в укреплении законодательной базы, регулирующей инвестиционную деятельность хозяйствующих субъектов. Законодательство остается несовершенным и противоречивым. Предприниматели ощущают правовую незащищенность, постоянный риск потерять собственность. Законы в России служат не защите потребителей, обеспечению свободы конкуренции, инновационному развитию экономики, а интересам отдельных представителей элиты. Федеральные и региональные законы отличаются нестабильностью и часто противоречат друг другу. Серьезными проблемами остаются ненадежность, недостаток досудебных примирительных процедур, отсутствие финансового арбитража и полноценной системы защиты собственности в судебной системе.

Российский рынок отличается непрозрачностью законодательства. Поправки, вносимые в законы, часто противоречат друг другу, не исполнимы и не применимы на практике. Только принятые правила подвергаются неоднократным изменениям благодаря лоббированию законов определенными участниками экономической деятельности. Меняющаяся ситуация в экономике требует внесения поправок в законодательство. Однако они должны быть результатом обсуждений с участием представителей бизнеса, предсказуемы и противодействовать вмешательству чиновников в конкурентную борьбу.

Сейчас принято столько законодательных актов, регулирующих рыночные отношения, что новые уже не нужны. Но требуются четкие механизмы реализации принятых решений, которые позволят бизнесу планировать деятельность с предсказуемыми результатами и гарантируют неизменность законодательства до достижения заявленных целей.

Серьезной проблемой является отсутствие последовательности в проведении налоговой политики, частое внесение изменений в Налоговый кодекс. Налоговая политика государства сегодня не предсказуема и не является средством стимулирования инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики РФ. В этих условиях трудно ожидать от предпринимателей повышения инвестиционной активности и, соответственно, интенсификации их экономической деятельности, роста налоговых поступлений в бюджет.

Отличительной чертой российского рынка банковских услуг остается доминирование банков с государственным участием. Такие преимущества дают им возможность привлекать более дешевые пассивы, размещать в них бюджетные средства государственных органов власти и государственных компаний.

Банковская система страны располагает преимущественно короткими деньгами. Дефицит «длинных» денег в банковской системе мешает ей финансировать инвестиции, активно содействовать инвестиционному экономическому росту.

Экспертами Всемирного экономического форума в качестве причины, осложняющей ведение бизнеса в России. В декабре 2009 г. доступность кредита отмечали 53% предприятий, к июлю 2010 г. – до 66%. По-прежнему преференции получали крупные компании [3, С. 26]. Доступ к источникам финансирования малым и средним предприятиям закрыт.

Финансовый сектор России не способен удовлетворять в полной мере рост отечественной экономики. Необходимо активизировать инвестиционный процесс, связанный с использованием инвесторами фондового рынка в качестве источника привлечения финансовых ресурсов, механизма развития инвестиционной деятельности.

Фондовый рынок должен превратиться в инструмент, служащий нуждам реальной экономики, для чего необходимы новые принципы государственного регулирования фондового рынка, предусматривающие направле-

ние финансовых ресурсов на нужды реальной экономики.

Исходя из необходимости обеспечения надлежащего государственного управления, укоренения демократических начал, гласности и контроля в деятельности государственных и муниципальных органов власти, укрепления доверия граждан к власти; утверждая принцип бескорыстного и ответственного служения лиц, наделенных публичным статусом, гражданам и государству; сознавая потребность в самоограничении власти, создании стабильных правовых основ предупреждения коррупции и совершенствовании национального законодательства с учетом норм международного права о противодействии коррупции; подчеркивая, что коррупция представляет серьезную угрозу национальной безопасности, функционированию публичной власти на основе права и закона, верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости; затрудняет экономическое развитие и угрожает основам рыночной экономики; в развитие конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина, поддерживать конкуренцию и свободу экономической деятельности важно восстановить внешний контроль над бюрократией и разделение ветвей власти в РФ.

Таким образом, принцип свободы предпринимательской деятельности гарантирует свободу экономической деятельности. Декларации о необходимости создать благоприятный инвестиционный климат не подкрепляются реальными мерами. Крупные предприятия приспособились к существующим условиям инвестиционной деятельности, научились обходить законы и преодолевать с помощью коррупции возникающие проблемы. Предприятия же малого и среднего бизнеса полностью ощущают недостатки конкурентной среды, отражающие ресурсную модель экономики.

В число первоочередных задач сегодня выдвигается институциональная реформа, направленная на формирование современной рыночной инфраструктуры, включая реформирование бюджетной сферы, постепенное снижение административных барьеров, создание системы раскрытия информации о положении на рынках, их участниках, проводимых операциях.

Устойчивый экономический рост непосредственно связан с реальной эффективностью проводимой государством инновационной политики, которая должна быть подкреплена целым комплексом мер по стимулирова-

нию инвестиций в сферу науки и инноваций. Государственная инновационная политика – это составная часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к инновационной деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти РФ в области науки, техники и реализации достижений науки и техники.

В придании российской экономике инновационного характера принадлежит огромная роль государству. Ведь именно оно призвано осуществлять специальную политику по управлению инновациями.

Переход к инновационному развитию страны определен в документе «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». В нем говорится: «Переход России к инновационному пути развития – это единственная возможность сделать нашу страну конкурентоспособной и войти в мировое сообщество на равных». Это основная цель государственной политики в области развития науки и технологий. И как одно из важнейших направлений государственной политики в области развития науки и технологий – формирование развития национальной инновационной системы. Политика, формируемая Министерством образования и науки Российской Федерации, нацелена на реализацию этих целей и задач. Основные задачи, которые призвана решать федеральная целевая научно-техническая программа: определение приоритетов в сфере науки и технологий и их реализация; развитие системы научных и технических приоритетов, механизмов создания и построения государственно-частного партнёрства; развитие инфраструктурной деятельности, т.е. построение инновационной инфраструктуры в России; а также содействие укреплению материально-технической базы научной деятельности ВУЗов, совершенствование нормативно-правовой базы науки и инновационной сферы и др.

В результате инновационной деятельности рождаются новые идеи, новые и усовершенствованные продукты, новые или усовершенствованные технологические процессы, появляются новые формы организации и управления различными сферами экономики и ее структурами. Процесс создания инноваций объединяет науку, технику, предпринимательство и государство.

Литература

1. <http://www.old.mbko.ru>
2. Шейнин Э. Институциональная среда в экономике России: состояние и проблемы // Время перемен. 2012. № 3
3. Райская Н., Сергиенко Я., Френкель А. Взаимосвязь инвестиционной и ценовой стратегий в промышленности // Экономист. 2010. №10.
4. Федеральный закон от 27.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»
5. Федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»
6. Кувалин Д.Б. Институциональные барьеры для инвестиций в России: некоторые оценки // Экономическая наука современной России. 2006. № 2. С. 104-107

Гладун Зиновий Степанович,
кандидат юридических наук, доцент, Львов (Украина)
e-mail: z_hladun@ukr.net

Административная ответственность в правовом регулировании отношений в сфере охраны здоровья

Рассматриваются виды административной ответственности в сфере здравоохранения Украины, отмечаются недостатки действующего законодательства Украины и предлагаются новые нормы, направленные на охрану здоровья.

Ключевые слова: *индивидуальное и общественное здоровье, административная ответственность, Кодекс Украины об административных правонарушениях, совершенствование законодательства.*

Административная ответственность является формой реагирования государства на административные правонарушения, проявляемая в применении полномочными государственными органами, их должностными лицами административных санкций в отношении виновного лица в пределах и порядке, установленных в законодательстве. Она является сложным, многогранным явлением, которое охватывает административно-правовые нормы, содержащиеся в них административные санкции, административно-правовые отношения, правонарушение с его статическими элементами (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), деятельность правоприменительных органов и их должностных лиц по установлению факта правонарушения и наложения на виновное лицо административного взыскания и т.д. Административная ответственность, как отмечают современные учебники административного права, заключается в применении к лицам, совершившим административные проступки, особых санкций – административных взысканий [1, с.222]. Хотя рассматриваемый вид юридической ответственности реализуется в обязанности нарушителя

понести определенные ограничения или иные неблагоприятные последствия, определенные санкцией нарушенной статьи закона, сводить понятие административной ответственности к понятию административного взыскания будет неверным, потому что административная ответственность включает в себя такие элементы как государственное и общественное осуждение деяния (действия или бездействия), а также лица, его совершившего, и определенную процедуру применения к нарушителю мер, определенных санкцией нарушенной статьи закона [2, с.18-20].

Проблемы правового регулирования административной ответственности сегодня являются одними из самых злободневных и актуальных в современной как украинской, так и российской юридической науке и литературе. Подавляющее большинство современных украинских исследователей (В. Б. Аверьянов, С. Г. Стеценко, Ю. П. Битяк, В. В. Зуй, В. М. Паращук, В. К. Шкарупа, Г. А. Калужный, и . П. Голосниченко, Т. А. Коломеец, Г.Ю. Гулевский и др..) указывают на архаичность и застывшую структуру Кодекса Украины об административных правонарушениях, неcodифициро-

ванности норм, регулирующих административную ответственность, а в целом – на отсутствие системного подхода в правовом регулировании данного института, на эклектичность системы административно-деликтных норм, которая скорее напоминает дырявое решето, чем действующий закон. С этим трудно не согласиться.

За все время существования этого института как отдельного вида юридической ответственности, административно-правовые меры использовались с репрессивно-карательной целью и практически не подвергались реформированию. До сих пор институт административной ответственности продолжает оставаться в тех формах, в которых он был введен в 20-30-х гг. XX века и до сих пор выполняет репрессивно-карательную роль в отношении граждан. Ни о каком предотвращении совершения административных правонарушений в этом случае не может быть и речи, кроме нескольких статей этого кодекса, которые содержат чисто декларативные положения о необходимости предотвращения совершения административных правонарушений.

Ныне действующий КУоАП был принят еще в советские годы (1984 г.) [3]. С тех пор в него было внесено множество изменений, которые не имеют системного характера, отличаются чрезмерной детализацией и необоснованно превращают административно-деликтное законодательство в собрание казуальных правил [1, с.222]. Очевидно, что если исходить из главной цели этого кодекса, а им в современных условиях в соответствии с новой доктриной административного права является защита и охрана прав и интересов граждан [4], то направленность его норм свидетельствует о прямо противоположном – преимущественно их административно-репрессивном характере.

Только после обретения Украиной государственной независимости в соответствии с идеей приближения украинского правовых норм к нормам права ЕС и возникла потребность в их реформировании. Под эту потребность была сформирована современная доктрина украинского административного права [5, с.20] и основан процесс имплементации норм права ЕС в законодательство Украины.

Вопрос рассмотрения дел об административных правонарушениях и наложении на виновных лиц административных взысканий определяют нормы действующего ныне КУоАП. Согласно ст.ст. 213, 214 и 235 рассмотрение дел о совершении административных правона-

рушений, объектом посягательства которых является охрана индивидуального здоровья человека и здоровья населения, на установленный порядок управления в этой области, возложено, в частности на суды, исполнительные комитеты сельских, поселковых, городских советов и административные комиссии при них, многочисленные государственные инспекции, в частности, Государственную санитарно-эпидемиологическую службу Украины, органы внутренних дел и т.п..

Вместе с тем до сих пор в действующем законодательстве Украины об административных правонарушениях нет полной систематизации норм в рамках одного законодательного акта, что приводит к конкуренции правовых норм, их двусмысленному толкованию. Так, наряду с КУоАП – основным законодательным актом, устанавливающим административную ответственность, – действуют также другие законы прямого действия, содержащие нормы, устанавливающие административную ответственность, например, такие кодексы как: Таможенный [6], Воздушный [7], Торгового мореплавания [8], законы Украины: «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» [9], «О защите от недобросовестной конкуренции» [10], «Об ответственности предприятий, учреждений и организаций за нарушение законодательства о ветеринарной медицине» [11], «О рекламе» [12], «О государственной налоговой службе в Украине» [13] и др. К слову, другие законодательные акты, действующие в сфере здравоохранения, в частности Основы законодательства Украины об охране здоровья (далее – Основы) [14], Закон Украины Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения «, также содержат нормы, которые указывают на административную ответственность в этой сфере, однако они имеют бланкетный характер.

Фактическим основанием привлечения к административной ответственности является совершение виновным лицом административного проступка. Глава 5 раздела II Особенной части КУоАП «Административные правонарушения в области охраны труда и здоровья населения» устанавливает административную ответственность за 10 следующих административных правонарушений: нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил и норм (ст. 42), производство, заготовка, реализация сельскохозяйственной продукции, содержащей химические препара-

ты сверх предельно допустимых уровней концентрации (ст. 42-1); заготовка, переработка или сбыт радиоактивно загрязненных продуктов питания либо иной продукции (ст. 42-2), производство, хранение, транспортировка или реализация продуктов питания или продовольственного сырья, загрязненных микроорганизмами и другими биологическими агентами сверх предельно допустимых уровней (ст. 42-3); незаконное производство, приобретение, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах (ст. 44), уклонение от медицинского осмотра или медицинского обследования (ст. 44-1), уклонение от обследования и профилактического лечения лиц, больных венерической болезнью (ст. 45), нарушение установленного порядка взятия, переработки, хранения, реализации и применения донорской крови и (или) ее компонентов и препаратов (ст. 45-1), умышленное сокрытие источника заражения венерической болезнью (ст. 46), нарушение требований режима радиационной безопасности в местностях, подвергшихся радиоактивному загрязнению (ст. 46-1).

Также в сфере здравоохранения могут совершаться и другие административные правонарушения, например по качеству производства лекарственных средств, которые в свою очередь предусмотрены главой 13 КУоАП «Административные правонарушения в области стандартизации, качества продукции, метрологии и сертификации»: выпуск и реализация продукции, не отвечающей требованиям стандартов (ст. 167); выпуск в продажу нестандартной продукции (ст. 168), выполнение работ, оказание услуг гражданам-потребителям, не отвечающих требованиям стандартов, норм и правил (ст. 168-1), передача заказчику или в производство документации, не соответствующей требованиям стандартов (ст. 169); несоблюдение стандартов при транспортировке, хранении и использовании продукции (ст. 170) и др..

Кроме того, глава 15 КУоАП «Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок управления» содержит следующие административные проступки как: невыполнение законных требований должностных лиц органов государственного контроля качества лекарственных средств (ст. 188-10 КУоАП) невыполнение постановлений, распоряжений, предписаний, выводов, а также других законных требований должностных лиц органов, учреждений и заведений государствен-

ной санитарно-эпидемиологической службы (ст. 188-11 КУоАП).

Одним из центральных элементов механизма правового регулирования и одновременно состава административного правонарушения, является объект проступка. Его точное определение позволяет более конкретно вести как профилактическую работу, так и правоприменительную деятельность соответствующих государственных органов.

Следует отметить, что общим (родовым) объектом исследуемых преступлений является здоровье человека или группы людей или даже всего общества. Поэтому следует различать, что в отдельных составах проступков общим объектом выступает здоровье отдельного человека (ст. 44 «Уклонение от медицинского осмотра или медицинского обследования») или здоровье группы лиц или даже здоровье всего общества (ст. 42 «Нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил и норм»), а также определенные правила поведения, требования и нормы, постановления, распоряжения, предписания, выводы и другие законные требования должностных лиц (например, требования стандартов, сертификатов соответствия, правила поведения на радиоактивно загрязненной территории, порядок хранения крови доноров, нормы, правила и образцы (эталон) по качеству; санитарные нормы), обязательность соблюдения которых объясняется сохранением на должном уровне здоровья любого человека и недопущения его ухудшения или потери. Непосредственным объектом являются конкретные отношения, защищаемые санкцией отдельной административно-правовой нормы, содержащейся в определенной статье КУоАП. Так, непосредственным объектом административного правонарушения предусмотренного статьей 44-1 КУоАП «Уклонение от медицинского осмотра или медицинского обследования» является установленный порядок прохождения медицинского осмотра или медицинского обследования лицами, употребляющими наркотики и психотропные вещества в немедицинских целях.

Следующим элементом состава указанных правонарушений выступает их объективная сторона. Поскольку все они являются проступками с формальным составом, т.е. достаточным обязательным признаком является сам факт совершения противоправного деяния, то можно сделать вывод, что каждое из перечисленных деяний является администра-

тивным правонарушением сразу же после его совершения, несмотря на то, настал ли противоправный результат после совершения того или иного деяния и имеется ли в наличии причинная связь между деянием и этим результатом. Например, нарушение определенных правил и норм; заготовка, переработка или сбыт радиоактивно загрязненных продуктов питания, производство, хранение, транспортировка или реализация продуктов питания или продовольственного сырья, загрязненных микроорганизмами; незаконные производство, приобретение, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах, уклонение от медицинского осмотра или медицинского обследования и др., считаются административными проступками сразу в момент их совершения.

Одним из обязательных элементов состава каждого из вышеперечисленных административных правонарушений является их субъект, то есть лицо, совершившее административный проступок и к которому может быть применено административное взыскание. Общими признаками субъекта рассматриваемых административных проступков и административной ответственности за них является то, что им может быть лишь физическое лицо – человек, достигший 16-летнего возраста, являющийся вменяемым на момент совершения правонарушения, т.е. понимающий (осознающий) противоправность своих деяний и который может управлять ими. Вместе с тем ряд вышеуказанных статей КУоАП предусматривают наличие и специального субъекта с присущими только ему признаками. Речь идет прежде всего о должностных лицах предприятий, учреждений, организаций, владельцах предприятий или уполномоченных ими лиц, граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, которые подлежат административной ответственности за административные правонарушения, связанные с несоблюдением установленных правил в сфере охраны здоровья населения, обеспечение выполнения которых входит в их служебные обязанности.

Другими специальными субъектами могут быть лица, больные наркоманией, лица, в отношении которых имеются достаточные сведения о том, что они больны венерической болезнью, лица, которые были в контакте с больными венерической болезнью и больные венерической болезнью.

Последним элементом состава рассматриваемых административных правонарушений является их субъективная сторона, то есть вина как психическое отношение субъекта к совершенному им правонарушению и к его вредным последствиям, которые наступили или могли бы наступить. Вина является необходимым условием ответственности. Если в действиях лица вина не установлена, а вредные последствия стали результатом случайных обстоятельств – нет субъективной стороны, нет административного проступка, нет административной ответственности. Большинство из вышеперечисленных проступков могут быть совершены как умышленно так и по неосторожности, однако есть ряд проступков, которые могут быть совершены только умышленно, например, правонарушение предусмотренное ст. 46 КУоАП «Умышленное сокрытие источника заражения венерической болезнью»; ч. 3 ст. 46-1 «Умышленное приобретения и использования для производственных нужд указанных в этой статье строительных материалов, оборудования, транспортных средств, которые вынесены или вывезено с территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению».

За совершение указанных административных правонарушений действующий кодекс предусматривает наложение мер административной ответственности, проявляющихся в таких санкциях как предупреждение, наложение штрафа, конфискация недоброкачественной продукции.

Кроме нормативной и фактической оснований административной ответственности существует еще одно обязательное основание наступления административной ответственности – процессуальное, суть которой заключается в том, что для привлечения к ответственности необходим акт компетентного органа (или его должностного лица) о наложении конкретного взыскания за совершение данного административного проступка.

Один из непростых вопросов, который мы пытались исследовать, состоял в выявлении абсолютных и относительных (в%) показателей применения административных взысканий за указанные правонарушения. Однако, оказалось, что существующая государственная статистика не дает ответа на такие вопросы. Статистический ежегодник Украины, который выдается Государственной статистической службой Украины в разделе правонарушения фиксирует количество правонарушений в со-

ответствии с названиями определенных глав КУоАП, таким образом объединяя правонарушения в области охраны труда и здоровья населения. Так, в 2010 году таких правонарушений было совершено 267,5 тыс., что по сравнению с 2000 годом показывает их рост на 32%, а согласно общего количества совершенных в 2010 году и учтенных органами статистики правонарушений (7013,7 тыс.) составляет 3,8%. [15] Однако эти данные далеко не полные. Поэтому, характеризуя количество применения административных взысканий за правонарушения, совершенные в сфере здравоохранения, мы можем привести более-менее точные данные применения административных взысканий лишь органами государственной санитарно-эпидемиологической службы.

По данным Министерства здравоохранения в течение 2010 года в Украине за выявленные нарушения санитарного законодательства на объектах повышенного эпидемиологического риска на виновных должностных лиц наложены 131,5 тыс. штрафов на сумму 8 млн. 39 тыс. грн. (за аналогичный период прошлого 2009 года – 128,3 тыс. штрафов на сумму 7 млн. 53 тыс. грн.), в том числе в Донецкой области – 14749 штрафов на сумму 814,4 тыс. грн., Днепропетровской – 7614 на сумму 681,2 тыс. грн., Винницкой – 7546 на сумму 306,1 тыс. грн., Закарпатской – 2487 на сумму 135,6 тыс. грн., Тернопольской – 1657 на сумму 117,7 тыс. грн., г. Севастополе – 1884 на сумму 244,2 тыс. грн. К сожалению, указанный ведомственный статистический отчет, из которого взяты эти данные, не содержит данных о количестве и суммы уплаченных штрафов.

С целью устранения санитарных правонарушений прекращалась эксплуатация 46,6 тыс. объектов повышенного эпидемиологического риска (в 2010 г. – 46,3 тыс.), из них по Донецкой области – 4987, Автономной Республике Крым – 3805, Днепропетровской – 2878 и Волынской – 613, Тернопольской – 463, г. Севастополе – 456. [16, с. 110]

Эти и некоторые другие хотя и неполные данные свидетельствуют, с одной стороны, – о значительной распространенности административных правонарушений в сфере охраны здоровья, а с другой – о большом количестве административных взысканий, налагаемых на виновных лиц за совершенные правонарушения. Однако сопоставление этих цифр наводит мысль о недостаточной эффективности мер административной ответственности, ведь

центральной целью их применения является предотвращение совершения таких правонарушений. Поэтому современные общественно-экономические условия жизни украинского общества заставляют по-новому взглянуть на качество административно-правовых норм и практику их применения. Представляется, что эта сфера правоустанавливающей и правоприменительной практики требует основательного реформирования. Нельзя не согласиться с большинством исследователей вопросов административной ответственности, что реформирование должно произойти путем разработки и принятия нового Кодекса об административных правонарушениях.

В проекте Кодекса Украины об административных правонарушениях, подготовленного группой ученых-юристов согласно проекту ОБСЕ («Поддержка развития административного права и административной юстиции в Украине») [17], административные проступки в сфере охраны здоровья, включены в первый раздел, с которого начинается Особенная часть кодекса, что является абсолютно правильным и указывает на их значимость в системе административных деликтов. Следует отметить, что авторы данного проекта кодекса разделили проступки, объектом которых является здоровье человека или общественное здоровье на две главы – глава 1 («Административные проступки против здоровья лиц») и главу 2 («Административные проступки против порядка оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, других одурманивающих веществ»). Они размещены, начиная со ст. 47 («Нарушение порядка взятия, переработки, хранения, реализации и применения донорской крови, ее компонентов и препаратов») и до ст. 60 («Нарушение требований по реализации и оборота табачных изделий») и содержат 14 составов административных проступков.

Очевидно, что процесс определения и установления мер административной ответственности за правонарушения против здоровья как отдельного лица, так и населения в целом, далеко не завершен. Действующий КУоАП сегодня напоминает собой старое пестрое одеяло, на которую законодатель раз за разом «пришивает» новые заплатки. Поэтому главным недостатком установления административной ответственности за указанные правонарушения (кстати, как и в других сферах жизни!) является отсутствие именно системы в решении вопросов обеспечения правопорядка в этой сфере.

На современном этапе развития законодательства Украины роль и значение административной ответственности как необходимого инструмента осуществления государственной политики в сфере охраны здоровья населения существенно возрастает. Ведь правовые меры данного вида ответственности направлены, в основном, на предотвращение совершения правонарушений, обеспечение законности и правопорядка в сфере административно-правового регулирования общественных отношений.

Сегодня сфера охраны здоровья как отдельной личности так и населения в целом в современных условиях значительно расширилась – соответственно и расширилась сфера правового регулирования этих отношений, свидетельством чего является существенное увеличение числа актов законодательства, их регулирующих. Увеличилось количество составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Украины 2001 г., а также значительное увеличение составов административных правонарушений, включенных в действующий КУоАП путем внесения соответствующих дополнений.

Необходимость осуществления активной социальной политики государства, в частности эффективное обеспечение реализации прав граждан в сфере здравоохранения, настоятельно требуют критического пересмотра существующего положения дел в этой сфере и коренного реформирования на принципиальных основах вопросов административной ответственности. Это возможно путем коренного пересмотра перечня административных деликтов, изменения подходов к применению и оснований привлечения к административной ответственности, в частности, подготовки и принятия нового Кодекса Украины об административных правонарушениях. Новый кодекс должен предусмотреть расширение составов правонарушений, в том числе и в сфере охраны здоровья. Автор предлагает дополнительно установить и ввести в него административную ответственность за:

- занятие профессиональной медицинской деятельностью без надлежащего разрешения (лицензии) или с просроченным разрешением;
- нарушение правил хранения и передачи информации о состоянии здоровья граждан;
- продажа сильнодействующих лекарственных препаратов без рецепта врача.

Стоит отметить, что повышение размера штрафов, учреждение новых видов админи-

стративных взысканий (например, общественные работы), необходимость повышения роли института административной ответственности в механизме правового регулирования отношений в сфере охраны здоровья, а значит и об оптимизации мер административного принуждения, имеют целью усовершенствовать законодательное обеспечение охраны общественных отношений указанной сферы.

Литература

1. Адміністративне право України. Академічний курс : підруч. ; у двох томах: Т. 1. Загальна частина / [ред. колегія : В. Б. Авер'янов (голова)]. К. : Вид-во «Юридична думка», 2004. С. 349–350.
2. Агапов А.Б. Административная ответственность – М.: Статут – 2004. С. 18 – 20.
3. Кодекс України про адміністративні правопорушення з постатейними матеріалами / За ред. Е. Ф. Демського. – К. : Юрінком Інтер, 2001. – 1088 с.
4. Авер'янов В. Б. Нова доктрина українського адміністративного права: концептуальні позиції // Право України. – 2006. – № 5. – С. 11-17.
5. Авер'янов В. Б. Адміністративна реформа і правова наука // Право України. – 2002. – № 3. – С. 20.
6. Таможенный кодекс Украины // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2012. – № 44-45, № 46-47, № 48. – Ст. 552
7. Воздушний кодекс Украины // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2011. – № 48-49. – Ст. 536
8. Кодекс торгового мореплавания Украины // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1995. – № 47, 48, 49, 50, 51, 52. – Ст. 349
9. О принципах предупреждения и противодействия коррупции. Закон Украины от 7 апреля 2007 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2011. – № 40. – Ст. 404
10. О защите от недобросовестной конкуренции. Закон Украины от 7 июня 1996 г. // Ведомости Верховного Совета Украины – 1996. – № 36. – Ст. 164
11. Об ответственности предприятий, учреждений и организаций за нарушение законодательства о ветеринарной медицине. Закон Украины от 5 декабря 1996 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1997. – № 7. – Ст. 58

12. О рекламе. Закон Украины от 3 июля 1996 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1996. – № 39. – Ст. 181
13. О государственной таможенной службе Украины. Закон Украины от 4 декабря декабря 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1991. – № 6. – Ст. 37
14. Основы законодательства Украины об охране здоровья. Закон Украины от 19 ноября 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1993. – № 4. – Ст. 19.
15. Статистичний щорічник України за 2010 рік // Державний комітет статистики України / За ред. О. Г. Осауленка. – К.: Консультант, 2011. – 568 с.
16. Результати діяльності галузі охорони здоров'я України у 2009-2010 роках. – К., МОЗ України, 2011. – С. 110.
17. Рудий В. М. Законодавче забезпечення реформи системи охорони здоров'я в Україні. – К.: Сфера, 2005. – С. 7.

Сведения об авторах

ГЛАДУН Зиновий Степанович

кандидат юридических наук, доцент Львовской коммерческой академии, заслуженный юрист Украины, Львов (Украина)

E-mail: z_hladun@ukr.net

КАБАНОВ Павел Александрович,

доктор юридических наук, директор НИИ противодействия коррупции, член рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте республики Татарстан, г. Казань

E-mail: kabanovp@mail.ru

КАРЦХИЯ Александр Амиранович,

кандидат юридических наук, профессор Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина

E-mail: arhz50@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович,

доктор экономических наук, профессор, Генеральный директор Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса (ЗАО «СОИС»), зам.председателя Комитета по интеллектуальной собственности ТПП РФ, эксперт фонда «Сколково», г.Москва

E-mail: info@sois.ru

РОГОВАЯ Анастасия Владимировна,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра противодействия коррупции НИИ Российской правовой академии Министерства юстиции России., г.Москва

E-mail: av_rogovaya@mail.ru

РЫЖОВ Константин Борисович,

кандидат юридических наук, ассистент нотариуса, г.Санкт-Петербург.

E-mail: kbr81@mail.ru

САВИЧЕВ Алексей Аркадьевич,

юрисконсульт ФБУ «Научный центр правовой информации при Минюсте России», г.Москва

E-mail: defacto141@yandex.ru

СУХАРЕНКО Александр Николаевич,

директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности», г.Владивосток

E-mail: sukharenko@mail.ru

ТКАЧЕВ Александр Иванович

кандидат юридических наук, начальник отдела государственного земельного надзора Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Томской области, г.Томск

E-mail: zemcontrol@rosreg.tomline.ru

ЧХУТИАШВИЛИ Лела Васильевна

кандидат экономических наук, доцент Российской правовой академии Министерства юстиции России., г.Москва

E-mail: lela@email.ru

Information on the Authors

Zinof S. Hladun,

Ph.D. in Law, Associate Professor at the L'vov commercial academy, the deserved jurist of the Ukraine, city of L'vov (Ukraine)

E-mail: z_hladun@ukr.net

Pavel A. Kabanov,

Grand Ph. D. in Law, Director of the Scientific Research Institute for Counteracting Corruption, member of the Working Group of the Presidium of the Council for Counteracting Corruption under the President of the Russian Federation, member of the Council for Counteracting Corruption under the President of the Republic of Tatarstan, city of Kazan

E-mail: kabanovp@mail.ru

Aleksandr A. Kartskhia,

Ph.D. in Law, Full Professor at Gubkin Russian State University of Oil and Gas

E-mail: arhz50@mail.ru

Boris B. Leontyev,

Grand Ph. D. in Economics, Full Professor, Director General of the Federal Institute of Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business (CJSC "SOIS"), Deputy Chairman of the Intellectual Property Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, expert of the Skolkovo Fund, city of Moscow

E-mail: info@sois.ru

Anastasiya V. Rogovaya,

Ph. D. in Sociology, Leading Staff Scientist at the Corruption Counteraction Centre of the Scientific Research Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, city of Moscow

E-mail: av_rogovaya@mail.ru

Konstantin B. Ryzhov,

Ph.D. in Law, Notary's Assistant, city of Saint Petersburg

E-mail: kbr81@mail.ru

Aleksey A. Savichev,

Legal Adviser at the Federal State-Funded Institution "Scientific Centre of Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation", city of Moscow

E-mail: defacto141@yandex.ru

Aleksandr N. Sukharenko,

Director of the Autonomous Nonprofit Organisation "Centre for Studying New Challenges and Threats to National Security", city of Vladivostok

E-mail: sukharenko@mail.ru

Aleksandr I. Tkachev,

Ph.D. in Law, Head of the Government Land Use Supervision Department of Tomsk Oblast Directorate of the Federal Service for Government Registration, Cadastre, and Cartography, city of Tomsk

E-mail: zemcontrol@rosreg.tomline.ru

Lela V. Chkhutiashvili,

Ph. D. in Economics, Associate Professor at the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia, city of Moscow

E-mail: lela@email.ru

Abstracts and Keywords

Pavel A. Kabanov, Grand Ph. D. in Law
city of Kazan, e-mail: kabanovp@mail.ru

THE PRIMARY TASKS OF ANTI-CORRUPTION MONITORING IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: AN ATTEMPT AT COMPARATIVE LAW RESEARCH

Abstract: *The paper considers the primary tasks of regional anti-corruption monitoring laid down in subordinate normative legal acts of the subjects of the Russian Federation which promote achieving the stated goals—that is, the analysis and evaluation of the state of corruption in a region as well as the efficiency of the implementation of anti-corruption measures.*

Keywords: *corruption, monitoring, monitoring of corruption, anti-corruption monitoring, regional monitoring.*

Aleksandr A. Kartskhia, Professor
city of Moscow, e-mail: arhz50@mail.ru

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS AND THE CONCEPT OF PUBLIC DOMAIN

Abstract: *Modern concepts of intellectual property rights in Russian and foreign legislation are considered, conceptual approaches to the legal regime of security and protection of intellectual property rights and problems of fostering the development of modern legislation in the field of intellectual property from the standpoint of the theory of public domain are analysed in the paper. Today's realities require a renovation of conceptual approaches to the legal regime of security and protection of intellectual property rights, which must to a large extent find its way into national legislations as well as international law instruments in the field of intellectual property.*

Keywords: *intellectual property, concepts of intellectual property rights, public domain, exercising of exclusive rights.*

Boris B. Leontyev, Grand Ph. D. in Economics, Professor
city of Moscow, e-mail: info@sois.ru

ON THE REVIVAL OF NATURAL LAW AS THE SOURCE OF LEGAL SCIENCE

Abstract: *Natural law emerged in ancient times, due to the intention of the sages to establish the laws of society based on the laws of nature. At that time all science, philosophy, as well as all nature was considered from the interdisciplinary standpoint. However, the physical liquidation of the Platonic Academy changed, as time went on, views on science: it separated into autonomous and almost independent disciplines which sharply reduced the effect of its practical application. The natural and scientific sense of natural law disappeared. Today it remains virtually unused. However, the phenomenon of intellectual nature whose development is based on the laws of nature, has been discovered at the Federal Institute of Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business (CJSC "SOIS") where Platonic traditions are being revived, which makes it possible to fully restore the role of natural law as the foundation of legal science, as well as all academic sciences and modern innovative economy.*

Keywords: *natural law, nature, interdisciplinarity, intellectual property, intellectual nature, systemicity, law enforcement, law-making, government, business, administration, economy.*

Aleksandr N. Sukhareenko
city of Vladivostok, e-mail: sukharenko@mail.ru

PROBLEMS OF COUNTERACTING CORRUPTION IN THE GOVERNMENT PROCUREMENT SYSTEM

Abstract: *A review of the state of corruption in the field of government procurement, practice of counteracting corruption and existing legislative measures for minimising it, is given. In addition to that, a short analysis of a new law on creating a federal contracts system in Russia is provided.*

Keywords: *corruption, government procurement, risks*

Anastasiya V. Rogovaya, Ph. D. in Sociology
city of Moscow, e-mail: av_rogovaya@mail.ru

ON INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND CIVIL SOCIETY IN COUNTERACTING THE EXPANSION OF THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM (EXPERT OPINION)

Abstract: *Results of an expert poll on the problem of interaction between law enforcement agencies and civil society in ideological counteraction of extremism and terrorism are analysed and summarised in the paper.*

Keywords: *ideology of extremism and terrorism, law enforcement agencies, efficiency of counteraction.*

Konstantin B. Ryzhov, Ph. D. in Law
city of Sankt- Petersburg, e-mail: kbr81@mail.ru

MODERNISATION OF THE NOTARIES SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AND COMPETITION IN NOTARIAL ACTIVITIES

Abstract: The paper focuses on possible topical lines of development of the notaries system and the profession of notary in today's Russia. The author holds the opinion that such development should be multifaceted and include technical and information innovations as well as overall changes in the attitude towards the profession of notary in the society and also in the professional lawyers' community.

Keywords: notaries system, development and competition in the notaries system of Russia.

Aleksey A. Savichev
city of Moscow, e-mail: ucx7801@mail.ru

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE BODIES OF CITY SELF GOVERNMENT AND THE POLICE IN THE MOSCOW CITY ADMINISTRATION SYSTEM AS A RESULT OF THE IMPLEMENTATION OF A CITY REFORM IN 1870

Abstract: The paper focuses on the main issues of relationships between the bodies of city self government and the police in the Moscow city administration system in accordance with the 1870 City Charter. The role of the control of the bodies of city self government on the part of the police in the evolution of self government in cities of Russia in the second half of the 19th century, drawing on the example of the city of Moscow, is evaluated.

Keywords: city reform, city self government, city economy, bodies of the city self government, police

Aleksandr I. Tkachev, Ph. D. in Law
city of Tomsk, e-mail: zemcontrol@rosreg.tomline.ru

PROBLEM QUESTIONS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR NOT INTENDED USE OF LAND LOTS IN SETTLEMENTS

Abstract: Legislation and judicial practice on the issues of not intended use of land lots located within settlement boundaries are analysed, criteria for determining whether the intended use of a land lot is lawful or unlawful are examined, and conclusions on the possibility of holding persons using land lots not as intended administratively liable under Article 8.8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are drawn.

Keywords: administrative liability, not intended use of a land lot.

Lela V. Chkhutiashvili, Ph. D. in Economics, Associate Professor
city of Moscow, e-mail: lela@email.ru

THE ROLE OF GOVERNMENT IN REDUCING CORRUPTION AND DEVELOPING COMPETITION

Abstract: The paper focuses on the role of the government in reducing corruption and developing competition. A company's success is determined, in most cases, not only by the results of its operations, lower costs, competitiveness of its products in accordance with the requirements of consumers, but also by establishing the necessary connections with officials having the authority to issue permits for business registration and licences. Large enterprises have adapted to the current conditions, learned to circumvent laws and to overcome arising problems with the help of corruption; however, small and medium-sized businesses feel the shortcomings of a competitive environment. An institutional reform aimed at creating a modern market infrastructure, which includes reforming the public sector, gradual reduction of administrative barriers, creation of a system for disclosing information on the situation in the markets, their participants, and operations conducted, becomes one of today's primary tasks.

Keywords: government, corruption, competition, competitiveness, income

Zinof S. Hladun
Ph.D. in Law, Associate Professor
city of L'vov (Ukraine), e-mail: z_hladun@ukr.net

THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITIES IN THE LAWFUL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF THE PROTECTION OF THE HEALTH

Abstract: The forms of the administrative responsibilities in the sphere of public health of the Ukraine are examined, deficiencies in the current legislation of the Ukraine are noted and are proposed the new standards, directed toward the protection of health.

Keywords: individual and public health, the administrative responsibilities, the code of the Ukraine about the administrative offenses, the improvement of legislation.

В редакционный Совет нашего журнала вошел в качестве иностранного члена Совета известный чешский ученый, специалист в области международного права профессор Павел Штурма (Pavel ŠTURMA).

Павел Штурма родился в Праге в 1963 г, окончил с отличием в 1985 г. юридический факультет Карлова университета (старейший университет Центральной Европы, основан в 1348 году Чешским королем и Римским императором Карлом IV), получив степень магистра по юридическим наукам, а в 1992 г там же окончил факультет философии с присуждением ему степени Магистра в области философии и экономики. Параллельно он окончил аспирантуру Института права Чехословацкой академии наук и в 1989 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом».

Эта работа была в 1990 г. отмечена наградой Чехословацкой академии наук.

В 2001 Павел Штурма защитил диссертацию «Международный уголовный суд и уголовное преследование по международному праву» в Институте перспективных международных исследований (IHEI) в Париже.

В 2002 г. ему присвоено звание профессора права Указом Президента Чешской республики.

Профессор Штурма – автор 14 монографий и более 130 научных работ в области международного и европейского права, опубликованных на чешском, английском и французских языках.

Профессор Штурма активно сотрудничает с международными организациями, является постоянным членом Международного третейского суда в Гааге, членом Комиссии международного права ООН (2012–2016), часто представляет Чешскую республику в различных международных организациях и комиссиях. Нам не хватает места, чтобы перечислить все структуры, в которых участвует или участвовал профессор Штурма.

Редакция рада приветствовать нового иностранного члена редакционного Совета нашего журнала, занимающего активную жизненную позицию. Профессор Штурма владеет шестью иностранными языками, в числе которых и русский, что, безусловно, облегчит нам непосредственные контакты по широкому кругу научных задач.

Г.И.Макаренко,
Главный редактор

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор	<i>Г. И. Макаренко</i>
Начальник РИО	<i>Ю. В. Матвиенко</i>
Литературный редактор	<i>Е. В. Горбачева</i>
Перевод	<i>Т.В. Галатонов</i>
Дизайн	<i>И. Г. Колмыкова</i>
Компьютерная верстка	<i>А. С. Михеева</i>
Тиражирование (печать)	<i>Н. Г. Шабанова</i>